

Фенимор КУПЕР

ЗВЕРОВОЙ
ПОСЛЕДНИЙ ИЗ МОГИКАН
СЛЕДОПЫТ
ПИОНЕРЫ
ПРЕРИЯ

ПЕНТАЛОГИЯ

ПОЛНОЕ ИЗДАНИЕ
В ОДНОМ ТОМЕ

Издательство
АЛЬФА-КНИГА
Москва
2011

УДК 821.161.1
ББК 84.(Амер.)6-5
К92

Серия основана
в 2007 году

Перевод с английского

Иллюстрации художников
М. Э. Андриолли, Ф. Бергера

Купер Фенимор

К92 Зверобой; Последний из могикиан; Следопыт; Пионеры; Прерия. Полное издание в одном томе./Пер. с англ. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2011. — 1309 с.: ил. — (Полное издание в одном томе).

ISBN 978-5-9922-0715-6

Джеймс Фенимор Купер (1789—1851) — известный американский писатель, классик национальной и мировой литературы, приобрел широкую известность своей пенталогией, посвященной жизни американского пионера, охотника и следопыта, благородного Натти Бампо—Кожаного Чулка (называют его, впрочем, по-разному: Зверобоем, Соколиным Глазом, Следопытом, Длинным Карабином). На богатом историческом фоне борьбы пришельцев-европейцев с американскими индейцами в романах прослежена судьба человека, бесстрашно прокладывающего тропинки для будущей магистрали американской цивилизации и переживающего трагические потери этого пути.

В настоящее издание вошли все пять романов серии: «Зверобой», «Последний из могикиан», «Следопыт», «Пионеры», «Прерия». Книга снабжена иллюстрациями художников М. Э. Андриолли и Ф. Бергера.

УДК 821.161.1
ББК 84.(Амер.)6-5

© Р. Гальперина. Наследники, 2010
© В. Курелла. Наследники, 2010
© И. Гурова. Наследники, 2010
© Н. Дехтерева, 2010
© Н. Вольпин. Наследники, 2010
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2010

ISBN 978-5-9922-0715-6

ЗВЕРБОЙ,
ИЛИ ПЕРВАЯ ТРОПА ВОЙНЫ

ГЛАВА I

...Есть наслаждение в бездорожных чашах,
Отрада есть на горной крутизне,
Мелодия — в прибое волн кипящих,
И голоса — в пустынной тишине.
Людей люблю — природа ближе мне.
И то, чем был, и то, к чему иду я,
Я забываю с ней наедине.
В своей душе весь мир огромный чую,
Ни выразить, ни скрыть то чувство не могу я.

Байрон, «Чайльд Гарольд»¹

События производят на воображение человека такое же действие, как время. Тому, кто много поездил и много повидал, кажется, будто он живет на свете давным-давно; чем богаче история народа важными происшествиями, тем скорее ложится на нее отпечаток древности. Иначе трудно объяснить, почему летописи Америки уже успели приобрести такой достопочтенный облик. Когда мы мысленно обращаемся к первым дням истории колонизации, период этот кажется далеким и туманным; тысячи перемен отодвигают в нашей памяти рождение нации к эпохе столь отдаленной, что она как бы теряется во мгле времен. А между тем четырех жизней средней продолжительности было бы достаточно, чтобы передать из уст в уста в виде преданий все, что цивилизованный человек совершил в пределах американской республики. Хотя в одном только штате Нью-Йорк жителей больше, чем в любом из четырех самых маленьких европейских королевств и во всей Швейцарской конфедерации, прошло всего лишь двести лет с тех пор, как голландцы, основав свои первые поселения, начали выводить этот край из состояния дикости. То, что кажется таким древним благодаря множеству перемен, становится знакомым и близким, как только мы начинаем рассматривать его в перспективе времени.

Этот беглый взгляд на прошлое должен несколько ослабить удивление, которое иначе мог бы почувствовать читатель, рассматривая изображаемые нами картины, а некоторые добавочные пояснения воскресят в его уме те условия жизни, о которых мы хотим здесь рассказать. Исторически вполне достоверно, что всего сто лет назад такие поселки на восточных берегах Гудзона², как, например, Клаверак, Киндерхук и даже Покипси³, не считались огражденными от нападения индейцев. И на берегах той же реки, на расстоянии мушкетного выстрела от верфей Олбани⁴, еще до сих пор сохранилась резиденция младшей

¹ Перевод В. Левика.

² Гудзон — большая река, берущая начало в Адирондакских горах и впадающая в Атлантический океан у Нью-Йорка. Получила свое название в честь английского мореплавателя Генри Гудзона, который в 1609 году поднялся по реке до места, где стоит теперь город Олбани.

³ Покипси — город на берегу Гудзона (в его нижнем течении). Основан голландцами в 1690 году.

⁴ Олбани — один из старейших городов США. Основан голландцами в 1614 году на берегу Гудзона. Теперь административный центр штата Нью-Йорк.

ветви Ван-Ренселеров¹ — крепость с бойницами, проделанными для защиты от того же коварного врага, хотя постройка эта относится к более позднему периоду. Такие же памятники детства нашей страны можно встретить повсюду в тех местах, которые ныне сльвут истинным средоточием американской цивилизации. Это ясно доказывает, что все наши теперешние средства защиты от вражеского вторжения созданы за промежуток времени, немногим превышающий продолжительность одной человеческой жизни.

События, рассказанные в этой повести, происходили между 1740 и 1745 годами. В то время были заселены только четыре графства колонии Нью-Йорк, примыкающие к Атлантическому океану, узкая полоса земли по берегам Гудзона от устья до водопадов вблизи истока да несколько соседних областей по рекам Мохоку² и Скохари³. Широкие полосы девственных дебрей покрывали берега Мохока и простирались далеко в глубь Новой Англии⁴, скрывая в лесной чаще обутую в бесшумные мокасины⁵ туземного воина, шагавшего по таинственной и кровавой тропе войны. Если взглянуть с высоты птичьего полета на всю область к востоку от Миссисипи, взору наблюдателя представилось бы необъятное лесное пространство, окаймленное близ морского берега сравнительно узкой полосой обработанных земель, усеянное сверкающими озерами и пересеченное извиляющимися линиями рек. На фоне этой величественной картины уголок страны, который мы хотим описать, показался бы весьма незначительным. Однако мы будем продолжать наш рассказ в уверенности, что более или менее точное изображение одной части этой дикой области даст достаточно верное представление о ней в целом, если не считать мелких и несущественных различий.

Каковы бы ни были перемены, производимые человеком, вечный круговорот времен года остается незыблемым. Лето и зима, пора сева и пора жатвы следуют друг за другом в установленном порядке с изумительной правильностью, предоставляя человеку возможность направить высокие силы своего всеобъемлющего разума на познание законов, которыми управляется это бесконечное однообразие и вечное изменение. Столетиями летнее солнце обогреvalo своими лучами вершины благородных дубов и сосен и посылало свое тепло даже прячущимся в земле упорным корням, прежде чем послышались голоса, перекликавшиеся в чаще леса, зеленый покров которого купался в ярком блеске безоблачного июньского дня, в то время как стволы деревьев в сумрачном величии высились в окутывавшей их тени. Голоса, очевидно, принадлежали двум мужчинам, которые сбились с пути и пытались найти потерявшуюся тропинку. Наконец торжествующее восклицание возвестило об успехе поисков, и затем какой-то высокого роста человек выбрался из лабиринта мелких болот на поляну, образовавшуюся, видимо, частично от опустошений, произведенных ветром, и частично под действием огня. Отсюда хорошо было видно небо. Сама поляна, почти сплошь заваленная стволами высохших деревьев, раскинулась на склоне одного из тех высоких холмов или небольших гор, которыми пересечена едва ли не вся эта местность.

— Вот здесь можно перевести дух! — воскликнул лесной путник, отряхиваясь всем своим огромным телом, как большой дворовый пес, выбравшийся

¹ Ван-Ренселеры — крупные землевладельцы голландского происхождения. Обозначались недалеко от города Олбани еще в 1630 году.

² Мохок — приток Гудзона, впадающий в него несколько севернее города Олбани.

³ Скохари — приток Мохока.

⁴ Новая Англия — область в северо-восточной части США, прилегающая к Атлантическому океану. Она раньше всего была колонизована переселенцами из Англии.

⁵ Мокасины — индейская обувь из кожи, украшенная бисером, мехом и кусочками цветного сукна.

из снежного сугроба. — Ура, Зверобой! Наконец-то мы увидели дневной свет, а там и до озера недалеко.

Едва только прозвучали эти слова, как второй обитатель леса раздвинул болотные заросли и тоже вышел на поляну. Наскоро приведя в порядок свое оружие и истрепанную одежду, он присоединился к товарищу, уже расположившемуся на привале.

— Ты знаешь это место? — спросил тот, кого звали Зверобоем. — Или кричал просто потому, что увидел солнце?

— И по той и по этой причине, парень! Я узнал это местечко и очень рад, что снова вижу такого верного друга, как солнце. Теперь румбы компаса у нас опять перед глазами, и если мы еще раз собьемся с пути, то сами будем виноваты. Пусть меня больше не зовут Гарри Непоседа, если это не то самое место, где прошлым летом разбили свой лагерь и прожили целую неделю «охотники за землей»¹. Гляди: вот сухие ветви от их шалаша, а вот и родник. Нет, малый, как ни люблю я солнце, я не нуждаюсь в нем, чтобы знать, когда наступает полдень: мое брюхо не уступит лучшим часам, какие можно найти в Колонии², и оно уже прозвонило половину первого. Итак, развяжи котомку, и подкрепимся для нового шестичасового похода.

После этого предложения оба занялись необходимыми приготовлениями к своей, как всегда простой, но обильной трапезе. Мы воспользуемся перерывом в их беседе, чтобы дать читателю некоторое представление о внешности этих людей, которым суждено играть немаловажную роль в нашей повести. Трудно встретить более благородный образчик мужественной силы, чем тот из путников, который назвал себя Гарри Непоседой. Его настоящее имя было Генри Марч; но так как обитатели пограничной полосы заимствовали у индейцев обычай давать людям всевозможные клички, то чаще вспоминали его прозвище Непоседа, чем его подлинную фамилию. Нередко также называли его Гарри Торопыгой. Обе эти клички он получил за свою беспечность, порывистые движения и чрезвычайную стремительность, заставлявшую его вечно скитаться с места на место, отчего его и знали во всех поселках, разбросанных между британскими владениями и Канадой³. Шести футов четырех дюймов⁴ росту, Гарри Непоседа был при этом очень пропорционально сложен, и его физическая сила вполне соответствовала его гигантской фигуре. Лицо — под стать всему остальному — было добродушно и красиво. Держался он очень непринужденно, и, хотя суровая простота пограничного быта неизбежно сказывалась в его обхождении, величавая осанка смягчала грубость его манер.

Зверобой, как Непоседа называл своего товарища, и по внешности и по характеру был совсем иного склада. Около шести футов росту, он выглядел сравнительно худым и тщедушным, но его мускулы обличали чрезвычайную ловкость, если не чрезвычайную силу. Его молодое лицо нельзя было назвать особенно красивым, и только выражением своим оно подкупало всякого, кто брал на себя труд взглянуть в него более внимательно. Выражение это, свидетель-

¹ «Охотниками за землей» называли в те времена людей, бродивших по девственным лесам Северной Америки в поисках плодородной земли. Найдя подходящий участок, «охотник за землей» вырубал и выжигал на нем лес и распахивал его. Собрав несколько урожаев, «охотник» забрасывал свой участок и вновь принимался бродить по лесу в поисках плодородных, еще не истощенных посевами земель.

² Колония — здесь: Олбани.

³ Канадой называли тогда французские поселения в Северной Америке на реке Святого Лаврентия. Теперь Канада — британский доминион.

⁴ То есть около 190 сантиметров.

ствовавшее о простосердечии, безусловной правдивости, твердости характера и искренности чувств, было поистине замечательно.

Сначала даже могло показаться, что за простодушной внешностью скрывается затаенная хитрость, однако при ближайшем знакомстве это подозрение тотчас же рассеивалось.

Оба пограничных жителя были еще очень молоды. Непоседе едва сравнялось лет двадцать шесть — двадцать восемь, а Зверобой был и того моложе. Одежда их не заслуживает особого упоминания; надо только заметить, что она была сшита главным образом из оленьих шкур — явный признак того, что ее владельцы проводили жизнь в бесконечных лесах, на самой окраине цивилизованного общества. Тем не менее в одежде Зверобоя чувствовалась забота о некотором щегольстве, особенно заметная на оружии и на всем охотничьем снаряжении. Его карабин находился в полной исправности, рукоять охотничьего ножа была покрыта изящной резьбой, роговая пороховница украшена подобающими эмблемами и насечкой, а ягдташ обшит индейским вампумом¹. Наоборот, Гарри Непоседа, по свойственной ли ему небрежности или из тайного сознания, что его наружность не нуждается в искусственных прикрасах, был одет кое-как, словно выражая этим свое презрение ко всяким побрякушкам.

— Эй, Зверобой, принимайся за дело и докажи, что у тебя делаварский желудок: ты ведь говоришь, что тебя воспитали делавары!² — крикнул Непоседа и подал пример товарищу, засунув себе в рот такой кусок дичины, какого хватило бы европейскому крестьянину на целый обед. — Принимайся, парень, и докажи-ка лани своими зубами, что ты мужчина, как ты уже доказал ей это ружьем.

— Нет, нет, Непоседа, не так уж много мужества надо, чтобы убить лань, да еще в эту пору. Вот уложить дикую кошку или пантеру — это другое дело, — возразил Зверобой, готовясь последовать совету товарища. — Делавары дали мне прозвище не за отважное сердце, а за зоркий глаз и проворные ноги. Застрелить оленя, конечно, еще не значит быть трусом, но для этого не нужно и особой храбрости.

— Делавары и сами не герои, — невнятно пробормотал Непоседа, у которого был полон рот. — Иначе проклятые бродяги-минги³ не превратили бы их в баб.

— Этого никто толком не знает и не понимает, — сказал серьезно Зверобой, который мог быть таким же надежным другом, как его товарищ — опасным врагом. — Минги наполнили леса своей ложью и кривотолками. Я прожил с делаварами десять лет и знаю, что, если дойдет до драки, они не уступят в храбрости никому другому народу.

— Слушай, мастер Зверобой, раз уж мы об этом заговорили, то почему бы нам не открыться друг другу, как мужчина мужчине? Ответь мне на один вопрос. Тебе так везло на охоте, что ты даже прославился. Но подстрелил ли ты

¹ В а м п у м — разноцветные бусы из раковин, служившие североамериканским индейцам для украшений. Нанизанный на нить, вампум употреблялся в качестве денежной единицы. Вампум в форме пояса, или перевязи, заменял документы в общественных делах индейцев.

² Д е л а в а р ы, или л е н н и - л е н а п е, как они сами себя называли, — индейское племя, населявшее в XVII—XVIII веках долину реки Делавар и побережье Атлантического океана до нынешней Северной Каролины. Они создали могучий союз племен, боровшийся с ирокезским племенным союзом. Делавары по большей части выступали союзниками англичан.

³ М и н г и — так презрительно называли делавары гуронов, или вейандотов, принадлежавших к одной из групп ирокезских племен, живших в XVII—XVIII веках по берегам озер Онтарио и Гуроно и реки Святого Лаврентия. Гуроно вели длительную борьбу с делаварами. Во время англо-французских войн они поддерживали французов.

хоть разок человека? Случалось ли тебе целиться во врага, который тоже способен спустить курок на тебя?

Этот вопрос вызвал в груди юноши своеобразную борьбу между желанием похвастаться и честностью. Чувства эти отразились на его простодушной физиономии. Борьба длилась, впрочем, недолго. Сердечная прямота восторжествовала над ложной гордостью.

— По совести говоря, ни разу, — ответил Зверобой, — для этого не представлялось подходящего случая. Делавары жили в мире со всеми соседями, пока я гостил у них, а я считаю, что человека можно лишить жизни только во время открытой и законной войны.

— Как? Неужели ты ни разу не накрыл с поличным какого-нибудь парня, воровавшего у тебя шкуры или дичь из капканов? Неужто ты не расправился с ним по-свойски, чтобы избавить соседей от хлопот, а виновного от судебных издержек?

— Я не траппер¹, Непоседа, — ответил юноша гордо. — Я добываю себе на жизнь карабином и с этим оружием в руках не боюсь ни одного мужчины моих лет между Гудзоном и рекой Святого Лаврентия. На шкурах, которые я продаю, всегда бывает еще одна дыра, кроме тех, что создала сама природа для зрения и дыхания.

— Ай-ай, все это хорошо на охоте, но никуда не годится там, где речь идет о скальпах и засадах! Подкараулить и подстрелить индейца — это значит воспользоваться его же собственными излюбленными приемами. К тому же у нас теперь законная, как ты говоришь, война. Чем скорее ты смоешь такое пятно со своей совести, тем спокойнее будешь спать хотя бы от сознания, что по лесу бродит одним врагом меньше. Я недолго буду водить с тобой компанию, друг Натти, если ты не найдешь зверя немного повыше четырех футов, чтобы попрактиковаться в стрельбе.

— Наше путешествие близится к концу, мастер Марч, и, если хочешь, мы расстанемся сегодня же вечером. Меня в здешних местах поджидает приятель, он не погнушается человеком, который еще не убил никого из своих ближних.

— Хотел бы я знать, что привело сюда этого проныру-делавара в такое раннее время года? — пробормотал Непоседа с видом, одновременно выражавшим и недоверие и презрение. — И где, говоришь ты, молодой вождь назначил тебе свидание?

— У невысокого утеса на озере, там, где, как мне говорили, индейские племена сходятся, чтобы заключать договоры и закапывать в землю свои боевые топоры. Об этом утесе я часто слышал от делаваров, хотя мне самому и озеро и утес совершенно неизвестны. Этой страной владеют минги и могикане²; в мирное время оба племени охотятся здесь и ловят рыбу, но одному богу известно, что может там твориться во время войны.

— «Сообща»! — воскликнул Непоседа, громко расхохотавшись. — Хотелось бы мне знать, что сказал бы на это Плавающий Том — Хаттер. По праву пятнадцатилетнего бесспорного владения он считает озеро своей собственностью и не уступит его без боя ни мингам, ни делаварам.

— А как посмотрят в Колонии на этот спор? Ведь земля должна иметь какого-нибудь владельца. Колонисты готовы поделить между собой пустыню даже там, куда они и носа не смеют показать.

¹ Т р а п п е р о м называют в Америке человека, добывающего пушных зверей с помощью капканов и ловушек.

² М о г и к а н е — индейское племя, жившее в нижнем течении Гудзона. Могикане входили в племенной союз делаваров. Племя это вымерло целиком.

— Так, быть может, делается в других местах, Зверобой, но только не здесь. Ни одна живая душа не владеет даже пядью земли в этой части страны. Перо никогда не прикасалось к бумаге, чтобы закрепить за кем-нибудь здешние холмы и долины. Старый Том не раз говорил мне об этом. Вот почему он требует, чтобы его считали здесь единственным хозяином. А если он чего-нибудь требует, то уж сумеет постоять за себя.

— Судя по всему, что я от тебя слышал, Непоседа, этот Плавучий Том не совсем обыкновенный человек. Он не минг, не делавар и не бледнолицый. По твоим словам, он владеет озером уже очень давно. Что же это за человек? Какой он породы?

— Старый Том скорее водяная крыса, чем человек. Повадками он больше походит на это животное, чем на себе подобных. Иные думают, что в молодые годы он гулял по морям и был товарищем известного пирата Кида, которого повесили гораздо раньше, чем мы с тобой успели родиться. Том поселился в здешних местах, полагая, что королевские корабли никогда не переплывут через горы и что в лесах он может спокойно пользоваться награбленным добром.

— Он ошибается, Непоседа, очень ошибается. Человек нигде не может спокойно пользоваться награбленным добром.

— Он, вероятно, думает об этом иначе. Я знал людей, которым жизнь была не в жизнь без развлечений; знал и других, которые лучше всего чувствовали себя, сидя в своем углу. Знал людей, которые до тех пор не успокоятся, пока кого-нибудь не ограбят; знал и таких, которые не могли себе простить, что когда-то кого-то ограбили. Человеческая природа очень причудлива. Но старый Том сам по себе. Награбленным добром, если только оно у него есть, он пользуется очень спокойно. Живет себе припеваючи вместе со своими дочками.

— Ах, так у него есть дочери! От делаваров, которые охотились в здешних местах, я слышал целые истории про этих молодых девушек. А мать у них есть, Непоседа?

— Когда-то была. Но она умерла и была брошена в воду года два назад.

— Как так? — воскликнул Зверобой, с удивлением глядя на товарища.

— Умерла и брошена в воду, говорю я — и надеюсь, что на достаточно чистом английском языке. Старик спустил тело жены в озеро, когда увидел, что ей пришел конец. Я могу это засвидетельствовать, потому что лично присутствовал при этой церемонии. Но хотел ли он избавить себя от труда рыть могилу — что не так-то легко в лесу среди корней, — или считал, что вода лучше смывает грехи, чем земля, право, не берусь сказать.

— Должно быть, бедная женщина была большая грешница, если муж не хотел потрудиться для успокоения ее косточек.

— Не слишком большая грешница, хотя у нее были свои недостатки. Я думаю, что Джудит Хаттер была достойная женщина, насколько это возможно для женщины, жившей так долго вдали от церковного звона, но, по-видимому, Том считал, что потрудился для нее совершенно достаточно. Правда, у нее в характере было немало стали, и так как старик Хаттер — настоящий кремь, то подчас между ними вспыхивали искры. Но, в общем, можно сказать, что они жили довольно дружно. Когда они начинали ссориться, слушателям удавалось порой заглянуть в их прошлое, как можно заглянуть в темные чащи леса, если заблудившийся солнечный луч пробьется к корням деревьев. Но я всегда буду почитать Джудит, потому что она была матерью такого создания, как Джудит Хаттер, ее дочка.

— Да, делавары упоминали имя «Джудит», хотя и произносили его на свой лад. Судя по их рассказам, не думаю, чтобы эта девушка была в моем вкусе.

— В твоем вкусе! — воскликнул Марч, взбешенный равнодушным и высокомерным тоном товарища. — Какого черта ты суешься со своим вкусом, когда

речь идет о такой девушке, как Джудит! Ты еще мальчишка, зеленый юнец, едва успевший глаза раскрыть. За Джудит уже ухаживали мужчины, когда ей было всего пятнадцать лет, то есть без малого пять лет назад. Да она и не взглянет на такого молокососа, как ты.

— Теперь июнь, и на небе ни облачка, Непоседа, так что весь этот жар ни к чему, — ответил невозмутимо Зверобой. — У каждого свой вкус, и даже белка имеет право судить о дикой кошке.

— Но не слишком умно с ее стороны сообщать о своем мнении дикой кошке, — проворчал Марч. — Впрочем, ты молод и еще несмышлениш, поэтому я прощаю тебе твоё невежество. Послушай, Зверобой, — с добродушным смехом прибавил он после недолгого размышления, — послушай, Зверобой: мы с тобой поклялись быть друзьями и, конечно, не станем ссориться из-за легкомысленной вертушки только потому, что она случайно уродилась хорошенькой, тем более что ты никогда не видел ее. Джудит создана для мужчины, у которого уже прорезались все зубы, и глупо мне опасаться мальчишка... Что же говорили делавары об этой плутовке? В конце концов, индеец может судить о женщинах не хуже, чем белый.

— Они говорили, что она хороша собой, приятна в разговоре, но слишком любит окружать себя поклонниками и очень ветрена.

— Сущие черти! Впрочем, какой школьный учитель может потягаться с индейцем там, где речь идет о природе! Некоторые думают, что индейцы пригодны только для охоты и для войны, но я говорю, что это мудрецы и разбираются они в мужчинах так же хорошо, как в бобрах, а в женщинах не хуже, чем в тех и других. Характер у Джудит в точности такой! Говоря по правде, Зверобой, я женился бы на этой девчонке еще два года назад, если бы не две особые причины, и одна из них — в этом самом легкомыслии.

— А в чем же вторая? — спросил охотник, продолжая есть и, очевидно, мало интересуясь разговором.

— А вторая — в том, что я не уверен, пожелает ли она выйти за меня. Плутовка красива и знает это. Юноша! На этих холмах нет дерева более стройного, дуновения ветра более нежного, и ты никогда не видел лани, которая прыгала бы с большей легкостью. Ее бы прославляли в один голос, не будь у нее недостатков, которые слишком бросаются в глаза. Иногда я даю клятву больше не ходить на озеро.

— Вот почему ты всегда возвращаешься к нему! Видишь, никогда не следует клестся.

— Ах, Зверобой, ты новичок в этих делах! Ты такой благонравный, как будто никогда в жизни не покидал города. Я — иное дело. Какая бы мысль ни пришла мне в голову, мне всегда хочется выругаться. Если бы ты знал Джудит, как знаю ее я, то понял бы, что иногда простительно чуточку посквернословить. Случается, что офицеры из фортов на Мохоке приезжают на озеро ловить рыбу и охотиться, и тогда это создание совсем теряет голову. Как она начинает тогда рядиться и какую напускает на себя важность в присутствии своих ухажеров!

— Это не подобает дочери бедного человека, — ответил Зверобой степенно. — Все офицеры — дворянского происхождения и на такую девушку, как Джудит, могут смотреть только с дурными намерениями.

— Это меня и бесит и успокаивает. Я, правда, побаиваюсь одного капитана, и Джудит должна винить только себя и свою дурь, если я неправ. Но, вообще говоря, я склонен считать ее скромной и порядочной девушкой, хотя даже облака, плывущие над этими холмами, не так переменчивы, как она. Вряд ли довелось ей встретить дюжину белых, с тех пор как она перестала быть ребенком, а поглядел бы ты, как она форсит перед офицерами!

— Я бы давно бросил думать о такой девушке и занялся бы только лесом. Лес никогда не обманет.

— Если бы ты знал Джудит, то понял бы, что это гораздо легче сказать, чем сделать. Будь я спокоен насчет офицеров, силой бы утащил девчонку к себе на Мохок, заставил бы ее выйти за меня замуж, несмотря на все ее капризы, и оставил бы старика Тома на попечение Хетти, его второй дочери; та хоть и не так красива и бойка, как ее сестрица, зато гораздо лучше понимает свои обязанности.

— Стало быть, еще одна птица из того же гнезда? — с некоторым удивлением спросил Зверобой. — Делавары говорили мне только об одной.

— Немудрено, что, когда говорят о Джудит Хаттер, забывают о Хетти Хаттер. Хетти всего лишь мила, тогда как ее сестра... Говорю тебе, юноша, другой такой не сыщешь отсюда до самого моря! Джудит бойка, речиста и лукава, как старый индейский оратор, тогда как бедная Хетти в лучшем случае только «Так указывает компас».

— Что такое? — переспросил Зверобой.

— Да это офицеры ее прозвали: «Так указывает компас». Я полагаю, они хотели этим сказать, что она всегда старается идти в должном направлении, но иногда не знает, как это сделать. Нет, бедная Хетти совсем дурочка и постоянно сбивается с прямого пути то в одну, то в другую сторону. Старый Том очень любит девчонку, да и Джудит тоже, хотя сама она бойка и тщеславна. Не будь этого, я бы не поручился за безопасность Хетти среди людей такого сорта, какой иногда попадает на берегах озера.

— Мне казалось, что люди здесь появляются редко, — сказал Зверобой, видимо обеспокоенный мыслью, что он так близко подошел к границам обитаемого мира.

— Это правда, парень, едва ли два десятка белых видели Хетти. Но двадцать заправских пограничных жителей — охотников-трапперов и разведчиков — могут натворить бед, если постараются. Знаешь, Зверобой, я буду в отчаянии, если, вернувшись после шестимесячной отлучки, застану Джудит уже замужем...

— Девушка призналась тебе в любви или как-нибудь обнадежила тебя?

— Совсе нет! Право, не знаю, в чем тут дело. Ведь я недурен собой, парень. Так мне, по крайней мере, кажется, когда я гляжусь в родник, освещенный солнцем. Однако я никогда не мог вынудить у этой плутовки обещания выйти за меня замуж, не мог добиться от нее ласковой улыбки, хотя она готова хохотать целыми часами. Если она осмелилась обвенчаться в мое отсутствие, то узнает все радости вдовства, не дожив и до двадцати лет.

— Неужели, Гарри, ты способен сделать что-либо худое человеку только потому, что он пришелся ей по душе больше, чем ты?

— А почему бы и нет? Если соперник встанет на моем пути, как не отшвырнуть его в сторону? Погляди на меня! Такой ли я человек, чтобы позволить какому-нибудь проныре и плуту, торговцу пушниной, взять надо мной верх в таком важном для меня деле, как расположение Джудит Хаттер? Да ведь мы здесь живем без законов и поневоле должны сами быть и судьями и палачами. Когда в лесу найдут мертвое тело, кто скажет, где убийца, хотя бы в Колонии и занялись этим делом и подняли шум?

— Если убитый окажется мужем Джудит Хаттер, то после всего, что ты сказал мне, я сумею направить людей из Колонии по верному следу.

— Ты, молокосос, мальчишка, гонящийся за дичью, ты смеешь грозить доносом Гарри Непоседе, будто это так же просто, как свернуть голову цыпленку?!

— Я не побоюсь сказать правду, Непоседа, о тебе, так же как и о любом человеке, кем бы он ни был.

С минуту Марч глядел на товарища с молчаливым изумлением. Потом, схватив Зверобоя обеими руками за горло, он встряхнул его легкое тело с такой силой, словно хотел переломать ему все кости. Марч не шутил: гнев пылал в его глазах. Но Зверобой не испугался. Лицо его не изменилось, рука не дрогнула, и он сказал спокойным голосом:

— Ты можешь трясти меня, Непоседа, пока не расшатаешь гору, и все-таки ничего, кроме правды, из меня не вытрясешь. Весьма вероятно, что у Джудит Хаттер еще нет мужа, которого ты мог бы убить, и у тебя не будет случая подстеречь его. Но если она замужем, я при первой же встрече скажу ей о твоей угрозе.

Марч разжал пальцы и молча сел, не сводя удивленных глаз со своего спутника.

— До сих пор я думал, что мы друзья, — вымолвил он наконец. — Но это моя последняя тайна, которая дошла до твоих ушей.

— Я не желаю знать твои тайны, если все они в том же роде. Я знаю, что мы живем в лесах, Непоседа, и считаем себя свободными от людских законов. Быть может, это отчасти правильно. Но все-таки есть закон, который властвует над всей Вселенной, и тот, кто пренебрегает им, пусть не зовет меня своим другом.

— Черт меня побери, Зверобой, я и не предполагал, что в душе ты близок к моравским братьям¹; а я-то думал, что ты честный, прямотушный охотник, за какого выдаешь себя!

— Честен я или нет, Непоседа, во всяком случае, я всегда буду так же прямотушен на деле, как на словах. Но глупо поддаваться внезапному гневу. Это только доказывает, как мало ты жил среди краснокожих. Без сомнения, Джудит Хаттер еще не замужем, и ты говорил то, что взбрело тебе на язык, а не то, что подсказывает сердце. Вот тебе моя рука, и не будем больше говорить и вспоминать об этом.

Непоседа, как видно, удивился еще больше. Но потом захохотал так добродушно и громко, что даже слезы выступили у него на глазах.

Он пожал протянутую руку, и оба спутника опять стали друзьями.

— Из-за какой-то пустой мысли ссориться глупо! — воскликнул Марч, снова принимаясь за еду. — Это больше пристало городским законникам, чем разумным людям, которые живут в лесу. Мне рассказывали, Зверобой, что в нижних графствах² многие портят себе кровь из-за своих мыслей и доходят при этом до самой крайности.

— Так оно и есть, так оно и есть... От моравских братьев я слышал, что существуют такие страны, где люди ссорятся даже из-за религии, а уж если дело доходит до этого, то смилуйся над ними Боже. Однако мы не станем следовать их примеру, особенно из-за мужа, которого у Джудит Хаттер, быть может, никогда и не будет. А меня больше интересует слабоумная сестра, чем твоя красавица. Нельзя остаться равнодушным, встречая ближнего, который хотя и по

¹ Моравские братья — члены чешской религиозной секты, основанной в XV веке. В XVIII веке они вели миссионерскую работу среди индейцев Северной Америки, главным образом среди делаваров. Моравские братья написали о делаварах несколько книг. Книги эти очень интересны, потому что миссионеры видели делаваров тогда, когда их почти еще не коснулось влияние белых.

² Нижние графства — то есть области, расположенные по нижнему течению рек Гудзона и Саскуиханны. В то время, когда происходит действие романа, нижние графства были более населенными, чем пустынные места в верховьях Саскуиханны, где бродили Зверобой и Непоседа.

внешности напоминает самого обыкновенного смертного, но на деле совсем не таков, потому что ему не хватает разума. Это тяжело даже мужчине, но когда это случается с женщиной, с юным, обаятельным существом, то пробуждает самые жалостливые мысли, какие только могут появиться у тебя. Видит бог, Непоседа, эти бедные создания достаточно беззащитны даже в здравом уме. Какая же страшная судьба ожидает их, если этот великий покровитель и вожатый изменяет им!

— Слушай, Зверобой! Ты знаешь, что за народ трапперы — охотники и торговцы пушниной. Их лучший друг не станет отрицать, что они упрямы и любят идти своей дорогой, не слишком считаясь с правами и чувствами других людей. И, однако, я не думаю, чтобы во всей здешней местности нашелся хотя бы один человек, способный обидеть Хетти Хаттер. Нет, даже индеец не решится на это.

— Наконец-то, друг Непоседа, ты начинаешь справедливо судить о делавах и о других союзных им племенах. Рад слышать это. Однако солнце уже перевалило за полдень, и нам лучше снова тронуться в путь, чтобы поглядеть наконец на этих замечательных сестер.

Гарри Марч весело изъявил свое согласие, и с остатками завтрака скоро было покончено. Затем путники навьючили на себя котомки, взяли ружья и, покинув залитую солнечным светом поляну, снова углубились в лесную тень.

ГЛАВА II

Ты бросаешь зеленый озерный край,
Охотничий дом над водой,
В этот месяц июнь, а этот летний рай,
Дитя, расстаешься со мной!

«Воспоминания женщины»¹

Идти оставалось уже немного. Отыскав поляну с родником, Непоседа правильно определил направление и теперь подвигался вперед уверенной поступью человека, знающего, куда ведет дорога.

В лесу стоял глубокий сумрак, однако ноги легко ступали по сухой и твердой почве, не загроможденной валежником. Пройдя около мили, Марч остановился и начал озираться по сторонам. Он внимательно рассматривал окружающие предметы, задерживая иногда взор на древесных стволах, которые валялись повсюду, как это часто бывает в американских лесах, особенно там, где дерево еще не приобрело рыночной ценности.

— Кажется, это то самое место, Зверобой, — наконец произнес Марч. — Вот бук рядом с хемлоком², вот три сосны, а там, немного поодаль, белая берега со сломанной верхушкой. И, однако, что-то не видно ни скалы, ни пригнутых ветвей, о которых я тебе говорил.

— Сломанные ветви — нехитрая примета для обозначения пути: даже самые неопытные люди знают, что ветви редко ломаются сами собой, — ответил собеседник. — Поэтому они возбуждают подозрение и наводят на след. Делава-ры доверяют сломанным ветвям только во время всеобщего мира да на проторенной тропе. А буки, сосны и березы можно увидеть всюду, и не по два или по три дерева, а десятками и сотнями.

¹ Перевод Л. Рубинштейна.

² Х е м л о к — дерево из породы хвойных, растущее в Северной Америке.

— Твоя правда, Зверобой, но ты не принимаешь в расчет их расположения. Вот бук и рядом с ним хемлок...

— Да, а вот другой дуб и другой хемлок, любовно обнявшись, как два братца или, пожалуй, поласковее, чем иные братья. А вон еще и другие... Все эти деревья здесь не редкость. Боюсь, Непоседа, что тебе легче выследить бобра или подстрелить медведя, чем служить проводником на такой непроторенной тропе... Ба! Да вон и то, что ты ищешь.

— На этот раз, Зверобой, это одна из твоих делаварских выдумок! Пусть меня повесят, если я вижу здесь что-нибудь, кроме деревьев, которые столпились вокруг нас самым странным образом.

— Глянь-ка сюда, Непоседа! Разве ты не замечаешь вот здесь, на одной линии с этим черным дубом, склонившееся молодое деревце, которое поддерживают ветви кустарника? Это дерево было засыпано снегом и согнулось под его тяжестью; оно никогда не смогло бы снова выпрямиться и окрепнуть. Рука человека помогла ему.

— Это моя рука помогла ему! — воскликнул Непоседа. — Я увидел хрупкое молодое деревце, прикинувшее к земле, словно живое существо, согбенное горем, и поставил его так, как оно стоит теперь... Ну, Зверобой, я должен признаться, что у тебя в лесу действительно острое зрение.

— Мое зрение становится острее, Непоседа, оно становится острее, я допускаю это, но все же у меня еще глаз ребенка по сравнению кое с кем из моих краснокожих знакомых. Взять хоть Таменунда. Правда, он теперь так стар, что лишь немногие помнят, каким он был во цвете лет, однако ничто не ускользает от его взгляда, больше напоминающего собачье чутье, чем зрение человека. Затем Ункас, отец Чингачгук и законный вождь могикиан; от его взгляда тоже немудрено укрыться. Я делаю успехи... допускаю, что делаю успехи... но мне еще далеко до совершенства.

— А кто такой этот Чингачгук, о котором ты так много толкуешь, Зверобой? — спросил Непоседа, направляясь к выпрямленному деревцу. — Какой-нибудь бродяга-краснокожий, конечно?

— Он самый лучший из бродяг-краснокожих, как ты их называешь. Если бы он мог вступить в свои законные права, то стал бы великим вождем. Теперь же он всего лишь храбрый и справедливый делавар. Правда, все уважают его и даже повинуются ему в некоторых случаях, но все-таки он потомок захудалого рода, представитель исчезнувшего племени. Ах, Гарри Марч, тепло становится на сердце, когда в зимнюю ночь сидишь у них в вигваме¹ и слушаешь предания о стародавнем величии и могуществе могикиан!

— Слушай, друг Натаниэль, — сказал Непоседа, останавливаясь и заглядывая прямо в лицо товарищу, чтобы придать больше весу своим словам, — если человек верит всему, что другие люди считают нужным говорить в свою пользу, у него создается преувеличенное мнение о них и преуменьшенное о себе. Краснокожие — известные хвастуны, и, по-моему, добрая половина их преданий — пустая болтовня.

— Не стану спорить, Непоседа, ты прав. Они действительно любят похвастаться. Это их природная особенность, и грешно не давать ей развиваться... Стоп! Вот место, которое мы ищем.

Разговор был прерван этим замечанием, и оба товарища устремили все свое внимание на предмет, находившийся прямо перед ними. Зверобой указал своему спутнику на ствол огромной липы, которая отжила свой век и упала от собственной тяжести. Это дерево, подобно миллионам своих собратьев, лежало там, где

¹ В и г в а м — жилище индейцев.

свалилось, и гнило под действием постоянной смены тепла и холода, дождей и засухи. Тление, однако, затронуло сердцевину еще тогда, когда дерево стояло совершенно прямо, во всей красе своего мощного роста, подобно тому как скрытая болезнь иногда подтачивает жизненные силы человека, а сторонний наблюдатель видит только здоровую внешность. Теперь ствол лежал на земле, вытянувшись в длину на добрую сотню футов, и зоркий взгляд охотника сразу распознал в нем по некоторым признакам то самое дерево, которое разыскивал Марч.

— Ага! Оно-то нам и нужно! — воскликнул Непоседа. — Все в полной сохранности, как будто пролежало в шкафу у старухи. Помоги мне, Зверобой, и через полчаса мы будем уже на воде.

Охотник тотчас же присоединился к товарищу, и оба взялись за работу усердно и умело, как люди, которым все это не в новинку. Прежде всего Непоседа сбросил куски коры, которые прикрывали широкое дупло в одном конце ствола и, по словам Зверобоя, были положены таким образом, что скорее привлекли бы внимание, чем скрыли тайник, если бы мимо прошел какой-нибудь бродяга. Затем они вытащили из дупла изготовленную из коры пирогу со скамьями, веслами и рыболовными принадлежностями, вплотью до крючков и лесок. Пирогой была отнюдь не малых размеров, но сравнительно легкая. Природа же наделила Непоседу такой исполинской силой, что, отказавшись от помощи, он без всякого усилия поднял пирогу себе на плечи.

— Иди вперед, Зверобой, — сказал Марч, — и раздвигай кусты, с остальным я и сам управлюсь.

Юноша не возражал, и они тронулись в путь. Зверобой прокладывал дорогу товарищу, сворачивая по его указанию то вправо, то влево. Минут через десять они внезапно увидели яркий солнечный свет и очутились на песчаной косе, которая с трех сторон омывалась водой.

Когда Зверобой увидел это непривычное зрелище, крик изумления вырвался из его уст, — правда, крик негромкий и сдержанный, ибо молодой охотник был гораздо осторожнее и предусмотрительнее, чем необузданный Непоседа. Картина, внезапно открывшаяся перед ними, действительно была так поразительна, что заслуживает особого описания. На одном уровне с косою расстилалась широкая водная поверхность, такая спокойная и прозрачная, что казалась ложем из чистого горного воздуха, окруженным со всех сторон холмами и лесами. В длину озеро имело около трех миль. В ширину оно достигало полумили, а против косы даже более; далее к югу оно суживалось до половины. Берега имели неправильные очертания и изобиловали заливами и острыми низкими мысами. На севере озеро замыкалось одиноко стоящей горой, на запад и на восток от нее простирались низменности, приятно разнообразившие горизонт. Все же общий характер местности был гористый. Высокие холмы или небольшие горы круто поднимались из воды на протяжении девяти десятых берега. И даже в тех местах, где берег был довольно пологий, в некотором отдалении виднелись возвышенности.

Но больше всего в этом пейзаже поражали его величавая пустынность и сладостное спокойствие. Всюду, куда ни кинешь взор, — только зеркальная поверхность воды да безмятежное небо в рамке густых лесов. Пышный и плотный покров леса тщательно скрывал от взоров землю. Нигде ни единой прогины. Повсюду, от берегов до закругленных горных вершин, сплошной зеленой пеленой тянулись леса. Но растительность, казалось, не хотела довольствоваться даже столь полной победой: деревья свисали над самым озером, вытягиваясь по направлению к свету. Вдоль восточного берега можно было целые мили плыть под ветвями темных рембрандтовских¹ хемлоков, трепетных осин и ме-

¹ Р é м б р а н д т (1608—1669) — великий голландский художник. Владел непревзойденным мастерством передачи игры света и тени.

ланхолических сосен. Короче говоря, рука человека еще никогда не уродовала этого дикого пейзажа, купающегося в солнечных лучах, этого великолепного лесного величия, нежащегося в июньском благоухании.

— Это грандиозно! Прекрасно! Сам становишься лучше, как поглядишь на это! — восклицал Зверобой, опершись на свой карабин и оглядываясь кругом — направо и налево, на юг и на север, на небо и на землю. — Я вижу, что даже рука краснокожего не тронула здесь ни единого дерева. Ну, Непоседа, твоя Джудит, должно быть, благойравная и рассудительная девушка, если она, как ты говоришь, провела полжизни в таком благословенном месте.

— Это сушая правда. Но у девчонки есть свои причуды. Впрочем, она не все время живет здесь — старик Хаттер имеет обыкновение проводить зиму в поселениях колонистов или поблизости от фортов. Нет, нет, Джуди, на свою беду, набралась кое-чего у колонистов и особенно у шаркунов-офицеров.

— В таком случае, Непоседа, вот школа, которая может ее исправить. Скажи, однако, что это вон там, прямо против нас? Для острова это слишком мало, а для лодки слишком велико, хотя стоит как раз посреди озера.

— Щеголи из форта прозвали это замком Водяной Крысы, и сам старик Том скалит зубы, слыша это название, которое как нельзя лучше подходит к его свойствам и привычкам. Это его постоянный дом; у него их два: один, который никогда не двигается с места, и второй, который плавает и поэтому находится то в одной, то в другой части озера. Он называется «ковчегом», хотя я не берусь объяснить тебе, что значит это слово.

— Оно пошло от миссионеров, Непоседа; они при мне рассказывали и читали об этой штуке. Они говорят, что земля была когда-то вся покрыта водой и Ной со своими детьми спасся, построив судно, называвшееся ковчегом. Одни делавары верят этому преданию, другие не верят. Мы с тобой белые христиане. Нам подобает верить... Однако не видишь ли ты где-нибудь этот ковчег?

— Он, должно быть, отплыл к югу или стоит на якоре где-нибудь в заводи. Но наша пирога уже готова, и пара таких весел, как твое и мое, за четверть часа доставит нас к замку.

После этого замечания Зверобой помог товарищу уложить вещи в пирогу, уже спущенную на воду. Затем оба пограничных жителя вошли в нее и сильным толчком отогнали легкое судно ярдов на восемь или десять от берега.

Непоседа сел на корму, Зверобой устроился на носу, и под неторопливыми, но упорными ударами весел пирога начала скользить по водной глади, направляясь к странному сооружению, прозванному замком Водяной Крысы. Обогнув мыс, спутники время от времени переставали грести, оглядываясь на окружающий пейзаж. Перед ними открылся широкий вид на противоположный берег озера и на поросшие лесом горы. Изменились лишь формы холмов и очертания заливов; далеко на юг простиралась долина, которую они раньше не видели. Вся земля казалась одетой в праздничный наряд из зеленой листвы.

— Это зрелище согревает душу! — воскликнул Зверобой, когда они остановились в четвертый или в пятый раз. — Озеро как будто для того и создано, чтобы мы могли поглубже заглянуть в величественные лесные дубравы. И ты говоришь, Непоседа, что никто не считает себя законным владельцем этих красот?

— Никто, кроме короля, парень. У него, быть может, есть какие-то права на это озеро, но он живет так далеко, что его притязания никогда не потревожат старого Тома Хаттера, который владеет всем этим и собирается владеть, куда будет жив. Том не скваттер¹, у него нет земли. Я прозвал его Плавунном.

¹ С к в а т т е р — колонист, расчистивший участок девственного леса и занимающийся на этом участке земледелием.

— Завидую этому человеку! Знаю, что нехорошо, и постараюсь подавить это чувство, но все-таки завидую этому человеку. Не думай, пожалуйста, Непоседа, что я хочу забраться в его мокасины, такой мысли нет у меня на уме, но не завидовать ему не могу. Это естественное чувство; у самых лучших из нас есть такие естественные чувства, которым подчас даешь волю.

— Тебе надо только жениться на Хетти, чтоб наследовать половину этого поместья! — воскликнул Непоседа со смехом. — Очень милая девушка! Не будь у нее сестры-красавицы, она могла бы казаться почти хорошенькой; а разума у нее так мало, что ты легко можешь заставить ее смотреть на все твоими глазами. Женись на Хетти, и ручаюсь, что старик уступит тебе дичь, которую ты сможешь подстрелить на расстоянии пяти миль от озера.

— А здесь много дичи? — быстро спросил Зверобой, не обращая внимания на насмешки Марча.

— Да, здесь дичи повсюду полным-полно. Едва ли кто-нибудь хоть раз спускался против нее курок, а что касается трапперов, то они редко сюда забредают. Я бы и сам околачивался здесь, но бобр тянет в одну сторону, а Джуди — в другую. За последние два года эта девчонка стоила мне больше сотни испанских долларов¹; и, однако, я не могу избавиться от желания взглянуть еще раз на ее личико.

— А краснокожие часто посещают это озеро, Непоседа? — спросил Зверобой, думая о своем.

— Они приходят и уходят, иногда в одиночку, иногда небольшими группами. Видимо, ни одно туземное племя в отдельности не владеет этой страной, и потому она попала в руки племени Хаттеров. Старик говорил мне, что некоторые проныры подбивали жителей Мохока на войну с индейцами, чтобы получить от Колонии право на эту землю. Однако ничего не вышло: до сих пор не нашлось человека настолько сильного, чтобы заняться этим делом. Охотники и поныне имеют право свободно бродить по здешним дебрям.

— Тем лучше, Непоседа, тем лучше. Будь я королем Англии, я издал бы указ, по которому всякий человек, срубивший хоть одно из этих деревьев, не нуждаясь по-настоящему в строевом лесе, должен быть изгнан в пустынные и бесплодные места, где никогда не ступал ни один зверь. Я, право, рад, что Чингачгук назначил мне свидание на этом озере; мне никогда еще не доводилось видеть такое великолепное зрелище.

— Это потому, что ты жил так далеко, среди делаваров, в стране, где нет озера. Но далее к северу и к западу сколько угодно таких водоемов. Ты молод и еще можешь увидеть их много... Да, на свете есть еще другие озера, Зверобой, но нет другой Джудит Хаттер!

В ответ на это замечание Зверобой улыбнулся и поспешно погрузил свое весло в воду, как бы разделяя волнение влюбленного. Оба гребли изо всех сил, пока не очутились в сотне ярдов от замка, как Непоседа в шутку называл дом Хаттера. Тут они опять бросили весла. Поклонник Джудит подавил свое нетерпение, заметив, что дом в настоящее время, видимо, пуст. Эта новая остановка позволила Зверобою осмотреть своеобразную постройку, которая заслуживает особого описания.

Замок Водяной Крысы — так этот дом был прозван каким-то остряком-офицером — стоял посреди озера на расстоянии четверти мили от ближайшего берега. Во все другие стороны вода простиралась гораздо дальше; до

¹ В XVI—XVIII веках основными поставщиками серебра на мировые рынки были испанские владения в Америке — Мексика и Перу. Испанские серебряные монеты (главным образом пиастры) имели хождение в Европе, Азии и Америке. Часто их называли испанскими долларами.

северного конца озера было мили две, и целая миля, если не больше, отделяла дом от восточного берега. Нигде нельзя было заметить никаких признаков острова. Дом стоял на сваях, под ним плескалась вода. Между тем Звербой уже успел заметить, что озеро отличается изрядной глубиной, и попросил объяснить ему это странное обстоятельство. Непоседа разъяснил загадку, сказав, что в этом месте тянется длинная узкая отмель на протяжении нескольких сот ярдов к северу и к югу и всего в шести или восьми футах от поверхности воды и что Хаттер вколотил сваи в эту отмель и поставил на них свой дом ради пушей безопасности.

Жилье старика раза три поджигали индейцы и охотники, а в стычке с краснокожими он потерял единственного сына. После этого он и переселился на воду. Здесь на него можно напасть только с лодки, а даже скальпы и богатая добыча вряд ли стоят того, чтобы ради них выдалбливать пирогу. Кроме того, в такую драку пускаться небезопасно, потому что у старика Тома много оружия, а стены замка, как ты видишь, достаточно толсты, чтобы защитить человека от пуль.

Звербой получил от пограничников кое-какие теоретические сведения о военном искусстве, хотя ему до сих пор еще никогда не случилось поднимать руку на человека. Он убедился, что Непоседа никогда не преуменьшает силу позиции Хаттера в военном отношении. И действительно, атаковать замок, не попав при этом под огонь осажденных, было бы трудно. Немалое искусство сказывалось и в расположении бревен, из которых было построено здание, благодаря чему обороняться в нем было гораздо проще, чем в обычных деревянных хижинах на границе. Все стены замка были воздвигнуты из больших сосновых стволов длиной около девяти футов, поставленных стоймя, а не положенных горизонтально, как это водится в тамошних краях. Бревна были обтесаны с трех сторон и по обоим концам снабжены большими шипами. В массивной настилке, прикрепленной к верхним концам свай, Хаттер выдолбил желоба и прочно утвердил в них нижние шипы бревен. На верхние концы этих бревен он положил доски, удерживающие их на месте с помощью такого же приспособления. Углы постройки Хаттер прочно скрепил настилом и досками. Полы он сделал из обтесанных бревен меньшего размера, а кровлю — из тонких жердей, плотно сдвинутых и основательно прикрытых древесной корой. В конце концов у хозяина получился дом, к которому можно было приблизиться только по воде. Стены из прочно скрепленных между собой бревен имели в толщину не менее двух футов даже в самых тонких местах. Разрушить их могли только напряженные усилия человеческих рук или медленное действие времени. Снаружи постройка выглядела грубой и невзрачной, так как бревна были неодинаковы в обхвате, но внутри дома гладко обтесанная поверхность стен и полов казалась достаточно ровной как на глаз, так и на ощупь. К числу достопримечательностей замка принадлежали дымовая труба и очаг. Непоседа обратил на них внимание своего товарища и рассказал, как они были построены. Материалом послужила густая, основательно размешанная глина, которую укладывали в сплетенные из ветвей формы высотой в фут или два и высушивали, начиная с основания. Когда таким образом вся труба была возведена целиком, под ней развели жаркий огонь и поддерживали до тех пор, пока глина не превратилась в некое подобие кирпича. Это была нелегкая работа, и она не сразу увенчалась полным успехом. Но, заполняя трещины свежей глиной, удалось в конце концов получить довольно прочный очаг и трубу. Эта часть постройки покоилась на бревенчатом полу, поддерживаемом снизу добавочной свай. Строение имело и другие особенности, о которых лучше будет рассказать дальше.

— Старый Том хитер на выдумки, — прибавил Непоседа, — и он все сердце вложил в эту трубу, которая не раз грозила обвалиться. Но терпение и труд все перетрут, и теперь у него очень уютная хижина, хотя она и может когда-нибудь вспыхнуть, как куча сухих стружек.

— Ты, Непоседа, как видно, знаешь всю историю замка, с его очагом и стенами, — сказал Зверобой улыбаясь. — Неужели любовь так сильна, что заставляет мужчину изучать даже историю жилища своей любезной?

— Отчасти так, парень, — смеясь, сказал добродушный великан, — но кое-что я видел собственными глазами. В то лето, когда старик начал строиться, здесь, у нас на озере, подобралась довольно большая компания, и все мы помогали ему в работе. Немало этих самых бревен я перетаскала на собственных плечах и могу заверить тебя, мастер Натти, что топоры только сверкали в воздухе, когда мы орудовали среди деревьев на берегу. Старый черт не скупился на угощение, а мы так часто ели у его очага, что решили в благодарность построить ему удобный дом, прежде чем уйти в Олбани продавать добытые нами шкуры. Да, много всякой снеди умял я в хижине Тома Хаттера, а Хетти хотя и глуповата, но удивительно ловко умеет обращаться со сковородкой и жаровней.

Беседуя таким образом, они подплыли к замку настолько близко, что достаточно было одного удара веслом, и пирога стала борт о борт с пристанью. Роль пристани выполняла дощатая платформа перед входом, имевшая около двадцати футов в квадрате.

— Старый Том называет этот причал своей приемной, — заметил Непоседа, привязывая пирогу. — Я полагаю, что сейчас дома нет ни души. Вся семейка отправилась путешествовать по озеру.

Пока Непоседа топтался на платформе, рассматривая остроги, удочки, сети и другие необходимые принадлежности пограничного жилья, Зверобой вошел в дом, озираясь с любопытством, которое не часто выказывают люди, издавна привыкшие жить среди индейцев. Внутри замка все отличалось безукоризненной опрятностью. Жилое помещение, имевшее двадцать футов в ширину и сорок в длину, было разделено на несколько крохотных спаленок, а комната, в которую проник Зверобой, очевидно служила для семи кухней, столовой и гостиной. Мебель разнокалиберная, как это часто встречалось на далеких окраинах. Большая часть вещей отличалась грубой и крайне примитивной выделкой. Впрочем, здесь были также стенные часы в красивом футляре из черного дерева, два или три стула, обеденный стол и бюро с претензиями на не совсем обычную роскошь, очевидно попавшие сюда из какого-то другого жилища. Часы прилежно тикали, но свинцовые стрелки упрямо показывали одиннадцать, хотя по солнцу было видно, что уже перевалило далеко за полдень. Стоял здесь и темный массивный сундук. Кухонная посуда была самая простая и скудная, но каждый предмет имел свое место, и видно было, что его всегда содержат в чистоте и порядке.

Окинув беглым взглядом комнату, Зверобой приподнял деревянную шкелду и вошел в узенький коридорчик, разделявший внутреннюю часть дома на две равные половины. Пограничные обычаи не отличаются особой деликатностью, а так как любопытство молодого человека было сильно возбуждено, то он отворил дверь и проскользнул в спальню.

С первого взгляда было видно, что здесь живут женщины. На простой койке, возвышавшейся всего на фут над полом, была послана перина, туго набитая перьями дикого гуся. Справа, на деревянных колышках, висели платья; обшитые лентами и другими украшениями, они казались гораздо более изысканными, чем можно было ожидать в подобном месте. На полу стояли хорошенькие башмачки с красивыми серебряными пряжками, какие носили

тогда женщины с достатком. Шесть полураскрытых вееров, ласкавших глаз своими причудливыми, ярко раскрашенными рисунками, красовалось на стене. Подушка, лежавшая на правой стороне кровати, была покрыта более тонкой накидкой, к тому же отделанной оборкой, чем подушка, лежавшая рядом. Над изголовьем справа был приколот чепчик, кокетливо убранный лентами, и висела пара длинных перчаток, какие в те времена редко носили женщины из трудовых слоев населения. Перчатки эти были пришилины с явной целью выставить их напоказ хотя бы здесь, за невозможностью показать на руках той, кому они принадлежали. Все это Зверобой рассмотрел и отметил с таким вниманием, которое не уступило бы обычной наблюдательности его друзей-делаваров. Не преминул он также отметить разницу между двумя сторонами постели, приклоненной изголовьем к стене. На левой стороне все было скромно, неприязнательно и привлекало внимание разве что своей необычной опрятностью. Несколко платяев, также висевших на деревянных кольшках, были шиты из более грубой ткани, отличались более грубым покроем, и ничто в них, видимо, не было рассчитано напоказ. Лент там не было и в помине, чепчика или косынки — тоже.

Уже несколько лет миновало с тех пор, как Зверобой в последний раз вошел в комнату, где жили женщины его расы. Это зрелище воскресило в его уме целый рой детских воспоминаний, и он почувствовал сердечное умиление, от которого давно отвык. Он вспомнил свою мать; ее простые наряды тоже висели на деревянных кольшках и были очень похожи на платья, очевидно принадлежавшие Хетти Хаттер.

Вспомнил он и о своей сестре, она тоже любила наряжаться, хотя и не так, как Джудит Хаттер. Эти мелкие черты сходства тронули его. С довольно грустным выражением лица он покинул комнату и, о чем-то раздумывая, медленно побрел в «приемную».

— Старик Том занялся новым ремеслом и теперь проделывает опыты с капканами, — сказал Непоседа, хладнокровно рассматривая охотничьи принадлежности пограничного жителя. — Если ты готов остаться в здешних местах, мы можем очень весело и приятно провести лето. Пока я со стариком буду выслеживать бобров, ты можешь ловить рыбу и стрелять дичь для услады души и тела. Даже самому захудалому охотнику мы даем половину доли; такой же молодец, как ты, имеет право на целую долю.

— Благодарю тебя, Непоседа, благодарю от всего сердца, но я и сам хочу при случае половить бобров. Правда, делавары прозвали меня Зверобоем, но не потому, что мне везет на охоте, а потому, что, убив множество оленей и ланей, я еще ни разу не лишил жизни своего ближнего. Они говорят, что в их преданиях не упоминается о человеке, который пролил бы так много звериной крови, не пролив ни капли людской.

— Надеюсь, они не считают тебя трусом, парень. Робкий мужчина — это все равно что бесхвостый бобр.

— Не думаю, Непоседа, чтобы они считали меня особенным трусом, хотя, быть может, я не слышу у них и особенным храбрецом. Но я не задирист. Когда живешь среди охотников и краснокожих, это лучший способ не испачкать руки в крови. Таким образом, Гарри Марч, и совесть остается чиста.

— Ну а по мне, что зверь, что краснокожий, что француз — все едино. И все же я самый миролюбивый человек во всей Колонии. Я презираю драчунов, как дворовых шавок. Но когда приходит время спустить курок, не надо быть слишком разборчивым.

— А я считаю, что это можно сделать лишь в самом крайнем случае, Непоседа... Но какое здесь чудесное место! Глаза никогда не устанут любоваться им.

— Это твое первое знакомство с озером. В свое время такое же впечатление оно производило на всех нас. Однако все озера более или менее одинаковы: везде много воды, и земли, и мысов, и заливов.

Это суждение совсем не соответствовало чувствам, наполнявшим душу молодого охотника, и он ничего не ответил, продолжая глядеть в молчаливом восхищении на темные холмы и зеркальную воду.

— Скажи-ка, а что, губернаторские или королевские чиновники дали уже какое-нибудь название этому озеру? — спросил он вдруг, как бы пораженный какой-то новой мыслью. — Если они еще не начали ставить здесь свои шесты, глядеть на компас и чертить карты, то они, вероятно, и не придумали имени для этого места.

— До этого они еще не додумались. Когда я в последний раз ходил продавать пушнину, королевский землемер долго расспрашивал меня об этих краях. Он слышал, что тут есть озеро, и кое-что о нем знает — например, что здесь имеются вода и холмы. А в остальном он разбирается не лучше, чем ты в языке мохоков¹. Я приоткрыл капкан не шире, чем следовало, намекнув ему, что здесь плоха надежда на очистку леса и обзаведение фермами. Короче говоря, я нагородил ему, что в здешней стране имеется ручеек грязной воды и к нему ведет тропинка, такая топкая, что, проходя по ней, можно глядеться в лужи, как в зеркало. Он сказал, что они еще не нанесли этого места на свои карты. Я же думаю, что тут вышла какая-то ошибка, так как он показал мне пергамент, на котором изображено озеро, — правда, там, где никакого озера нет, милях этак в пятидесяти от того места, где ему следует быть. Не думаю, чтобы после моего рассказа он смог внести какие-нибудь поправки.

Тут Непоседа расхохотался от всего сердца: проделки такого рода были совершенно во вкусе людей, страшившихся близости цивилизации, которая ограничивала их собственное беззаконное господство. Грубейшие ошибки, которыми изобиловали карты того времени, все без исключения изготовлявшиеся в Европе, служили постоянной мишенью для насмешек со стороны людей, которые хотя и не были настолько образованны, чтобы начертить новые карты, но все же имели достаточно сведений, почерпнутых на месте, чтобы обнаружить чужие промахи. Всякий, кто взял бы на себя труд сравнить эти красноречивые свидетельства топографического искусства прошлого века с более точными картами нашего времени, сразу же убедился бы, что жители лесов имели достаточно оснований относиться критически к этой отрасли знаний колониального правительства. Без всяких колебаний оно помещало реку или озеро на один-два градуса в стороне, даже если они находились на расстоянии дневного перехода от населенной части страны.

— Я надеюсь, что у этого озера еще нет имени, — продолжал Зверобой, — по крайней мере, данного бледнолицыми, потому что такие крестины всегда предвещают опустошение и разорение. Однако краснокожие должны ведь как-нибудь называть это озеро, а также охотники и трапперы. Они любят давать местностям разумные и меткие названия.

— Что касается индейских племен, то у каждого свой язык, и они все называют по-своему. А мы прозвали это озеро Глимерглас — Мерцающее Зеркало, потому что на его поверхности чудесно отражаются прибрежные сосны и кажется, будто холмы висят в нем вершинами вниз.

— Здесь должен быть исток. Я знаю, все озера имеют истоки, и утес, у которого Чингачгук назначил мне свидание, стоит вблизи ручья. Скажи, а этому ручью в Колонии дали какое-нибудь название?

¹ М о х о к и — индейское племя, обитавшее по берегам Гудзона и его притока — реки Мохок.

— В этом отношении у них преимущество перед нами, так как они держат в своих руках его более широкий конец. Они и дали ему имя, которое поднялось к истоку; имена всегда поднимаются вверх по течению. Ты, Зверобой, конечно, видел реку Саскуиханну в стране делаваров?

— Видел и сотни раз охотился на ее берегах.

— Это та же самая река, и я предполагаю, что она так же и называется. Я рад, что они сохранили название, данное краснокожими: было бы слишком жестоко отнять у них разом и землю и название.

Зверобой ничего не ответил. Он стоял, опершись на карабин и любуясь восхитительным пейзажем. Читатель не должен, однако, предполагать, что только внешняя живописность места так сильно приковала его внимание. Правда, место было прелестно, и теперь оно открылось перед взорами охотника во всей своей красоте: поверхность озера, гладкая, как зеркало, и прозрачная, как чистейший воздух, отражала вдоль всего восточного берега горы, покрытые темными соснами; деревья почти горизонтально свисали над водой, образуя там и сям зеленые лиственные арки, сквозь которые сверкала вода в заливах. Глубокий покой, пустынность, горы и леса, не тронутые рукой человека, — одним словом, царство природы — вот что прежде всего должно было пленить человека с такими привычками и с таким складом ума, как у Зверобоя. Вместе с тем он, может быть и бессознательно, переживал то же, что переживал бы на его месте поэт. Если юноша находил наслаждение в изучении многообразных форм и тайн леса, впервые представших перед ним в таком обнаженном виде — ибо каждому из нас приятно бывает поглядеть с более широкой точки зрения на предмет, издавна занимавший его мысли, — то вместе с тем он чувствовал и внутреннюю прелесть этого ландшафта, испытывая то душевное умиление, которое обычно внушает природа, глубоко проникнутая священным спокойствием.

ГЛАВА III

...Но не пойти ль нам дичи пострелять?
Хоть мне и жаль беднякам глупым пестрым,
Природным гражданам сих мест пустынных,
Средь их владений — стрелами пронзять
Округлые бока.

Шекспир, «Как вам это понравится»¹

Гарри Непоседа больше думал о чарах Джудит Хаттер, чем о красотах Мерцающего Зеркала и окружающего его ландшафта. Досыта наглядевшись на рыболовные и охотничьи снасти Плавучего Тома, он пригласил товарища сесть в пирогу и отправиться на поиски интересовавшего его семейства. Однако, прежде чем отплыть, он внимательно осмотрел все северное побережье озера в морскую подзорную трубу, принадлежавшую Хаттеру. Особенно тщательно обследовал Непоседа все заливы и мысы.

— Так я и думал, — сказал он, откладывая в сторону трубу, — старик отплыл по течению к югу, пользуясь хорошей погодой, и оставил свой замок на произвол судьбы. Что ж, теперь, когда известно, что Хаттера нет в верховьях, мы спустимся на веслах вниз по течению и без труда разыщем его тайное убежище.

¹ Перевод Т. Щепкиной-Куперник.

— Неужели Хаттер считает нужным прятаться, находясь на этом озере? — спросил Зверобой, усаживаясь в пирогу вслед за товарищем. — По-моему, здесь так безлюдно, что можно заглянуть себе в душу, не опасаясь, что кто-нибудь потревожит тебя в твоих размышлениях.

— Ты забываешь о своих друзьях-мингах и о всех французских дикарях. Есть ли на земле хоть одно местечко, Зверобой, куда бы не пробрались эти непоседливые плуты! Знаешь ли ты хоть одно озеро или хотя бы звериный водопой, которых бы не разыскали эти подлецы! А уж если они разыщут его, то рано или поздно подкрасят воду кровью.

— Конечно, я ничего хорошего не слышал о них, друг Непоседа, хотя до сих пор мне еще не приходилось встречаться с ними или с какими-нибудь другими смертными на военной тропе. Смеею сказать, что эти грабители вряд ли пройдут мимо такого чудесного местечка. Сам-то я никогда не сорился ни с одним из ирокезских племен, но делавары столько рассказывали мне о мингах, что я считаю их отъявленными злодеями.

— Ты можешь со спокойной совестью повторить то же самое о любом дикаре.

Тут Зверобой запротестовал, и, пока они плыли на веслах вниз по озеру, между ними завязался горячий спор о сравнительных достоинствах бледнолицых и краснокожих. Непоседа разделял все предрассудки и суеверия белых охотников, которые обычно видят в индейцах своих прирожденных соперников и нередко даже прирожденных врагов. Само собой разумеется, он шумел, кричал, обо всем судил с предвзятостью и не мог привести никаких серьезных доводов. Зверобой вел себя в этом споре совсем иначе. Сдержанностью речи, правильностью приговоров и ясностью суждений он показал свое желание прислушиваться к доводам разума, врожденную жажду справедливости, прямоту и то, что он отнюдь не склонен прибегать к словесным уловкам, чтобы отстоять свое мнение или защитить господствующий предрассудок. Все же и он не был свободен от предрассудков. Эти тираны человеческого духа, которые тысячами путей набрасываются на свою жертву, оказали некоторое влияние на молодого человека. Тем не менее он представлял собой чудесный образец того, чем могут сделать юношу естественная доброта и отсутствие дурных примеров и соблазнов.

— Признайся, Зверобой, что каждый минг больше чем наполовину дьявол, — с азартом кричал Непоседа, — хотя тебе во что бы то ни стало хочется доказать, что племя делаваров сплошь состоит чуть ли не из одних ангелов! А я считаю, что этого нельзя сказать даже о белых людях. И белые не без греха, а уж индейцы и подавно. Стало быть, твоим доводам — грош цена. А по-нашему вот как: есть три цвета на земле — белый, черный, красный. Самый лучший цвет белый, и поэтому белый человек выше всех; затем идет черный цвет, и черному человеку можно позволить жить по соседству с белыми людьми, это вполне терпимо и даже бывает полезно; но красный цвет хуже всех, а это доказывает, что индеец — человек только наполовину.

— Бог создал всех одинаковыми, Непоседа.

— Одинаковыми! Значит, по-твоему, негр похож на белого, а я похож на индейца?

— Ты слишком горячишься и не слушаешь меня. Бог создал всех нас белыми, черными и красными, без сомнения имея в виду какую-то мудрую цель. Но чувства у всех людей схожи, хотя я и не отрицаю, что у каждой расы есть свои особенности. Белый человек цивилизован, а краснокожий приспособлен к тому, чтобы жить в пустыне. Так, например, белый считает преступлением снимать скальп с мертвеца, а для индейца — это подвиг. И опять же: белый не считает для себя возможным нападать из засады на женщин и детей во время вой-

ны, а краснокожий это спокойно делает. Допускаю, что это жестоко; но то, что для них законно, с нашей стороны было бы гнусностью.

— Все зависит от того, с каким врагом мы имеем дело. Оscalпировать дикаря или даже содрать с него всю кожу — для меня то же самое, что отрезать уши у волка, чтобы получить премию, или же снять шкуру с медведя. И, стало быть, ты ошибаешься, защищая краснокожих, потому что даже в Колонии начальство выдает награду за эту работу. Там платят одинаково и за волчьи уши и за кожу с человеческими волосами.

— И это очень скверно, Непоседа. Даже индейцы говорят, что это позор для белых. Я не стану спорить: действительно, некоторые индейские племена, например минги, по самой природе своей испорченны и порочны. Но таковы и некоторые белые, например канадские французы. Во время законной войны, вроде той, которую мы начали недавно, долг повелевает нам воздерживаться от всякого сострадания к живому врагу. Но снимать скальпы — это совсем другое дело.

— Сделай милость, одумайся, Звербой, и скажи: может ли Колония издать нечестивый закон? Разве нечестивый закон не более противоестественная вещь, чем скальпирование дикаря? Закон так же не может быть нечестивым, как правда не может быть ложью.

— Звучит это как будто бы и разумно, а приводит к самым неразумным выводам, Непоседа. Не все законы издаются одной и той же властью. Есть законы, которые издаются в Колонии, и законы, установленные парламентом и королем. Когда колониальные законы и даже королевские законы идут против законов божеских, они нечестивы и им не следует повиноваться. Я считаю, что белый человек должен уважать белые законы, пока они не сталкиваются с другими, более высокими законами, а красный человек обязан исполнять свои индейские обычаи с такой же оговоркой. Впрочем, не стоит спорить, каждый вправе думать, что он хочет, и говорить, что он думает. Поищем лучше твоего приятеля, Плавучего Тома, иначе мы не увидим, где он спрятался в этих береговых зарослях.

Звербой недаром назвал так побережье озера. Действительно, повсюду кусты свешивались над водой, причем их ветви то и дело купались в прозрачной стихии. Крутые берега окаймляла узкая полоса отмели. Так как растительность неизменно стремится к свету, то эффект получился именно такой, о каком мог бы мечтать любитель живописных видов, если бы от него зависела планировка этих пышных лесных зарослей. Многочисленные мысы и заливы делали очертания берега извилистыми и причудливыми.

Приблизившись к западной стороне озера с намерением, как объяснил товарищу Непоседа, сперва произвести разведку, а потом уже появиться на виду у неприятеля, оба искателя приключений напрягли все свое внимание, ибо нельзя было заранее предугадать, что их ждет за ближайшим поворотом. Подвигались они вперед очень быстро, так как исполинская сила Непоседы позволяла ему играть легкой пиригой, как перышком, а искусство его товарища почти уравнивало их столь различные природные данные.

Каждый раз, когда пирога огибала какой-нибудь мыс, Непоседа оглядывался в надежде увидеть ковчег, стоящий на якоре или пришвартованный к берегу. Но надежды его не сбывались. Они проплыли уже мило к южному берегу озера, оставив позади себя замок, скрывавшийся теперь за шестью мысами. Вдруг Непоседа перестал грести, как бы не зная, какого направления следует держаться.

— Весьма возможно, что старик забрался на реку, — сказал он, внимательно осмотрев весь восточный берег, находившийся от них на расстоянии приблизительно одной мили и доступный для обозрения по крайней мере на поло-

вину всего своего протяжения. — Последнее время он много охотился и теперь мог воспользоваться течением, чтобы спуститься вниз по реке на милю или около того, хотя ему трудновато будет выбраться обратно.

— Но где же его искать? — спросил Зверобой. — Ни на берегу, ни между деревьями не видно прохода, через который могла бы вытекать из озера такая река, как Саскуиханна.

— Ах, Зверобой, реки подобны людям: сначала они бывают совсем маленькие, а под конец у них вырастают широкие плечи и большой рот. Ты не видишь истока, потому что он проходит между высокими берегами, а сосны и кустарники свисают над ними, как кровля над домом. Если старого Тома нет в Крысиной заводи, то, стало быть, он забрался на реку. Поищем-ка его сперва в заводи.

Когда они снова взялись за весла, Непоседа объяснил товарищу, что по соседству с ними находится мелкая заводь, образованная длинной низкой косой и получившая название Крысиной, потому что там — любимое место пребывания водяных крыс. Заводь эта — надежное убежище для ковчега; Хаттер любит останавливаться здесь при удобном случае.

— В этих краях, — продолжал Непоседа, — человек иногда не знает, кто может пожаловать к нему в гости, поэтому весьма желательно получить рассмотреть их, прежде чем они успеют подойти ближе. Эта предосторожность особенно уместна теперь, когда идет война и канадец или минг могут забраться в хижину, не ожидая приглашения. Но Хаттер — превосходный часовой и чувствует опасность почти так же, как собака — дичь.

— Когда я увидел, как открыто стоит его замок, я подумал, что старик совсем не боится врагов, которые могут забрести на озеро. Впрочем, вряд ли это когда-нибудь случится: ведь озеро расположено далеко от дороги, ведущей к форту и поселению.

— Ах, Зверобой, я убедился, что человек находит врагов гораздо скорее, чем друзей. Просто страшно становится, когда вспомнишь, сколько бывает поводов нажать себе врага и как редко удается приобрести друга. Одни хватаются за томагавк¹ потому, что ты не разделяешь их мыслей; другие — потому, что ты предвосхищаешь их мысли. А я когда-то знал бродягу, который поссорился со своим приятелем потому только, что тот не считал его красивым. Ты, Зверобой, тоже не бог весть какой красавец, и, однако, с твоей стороны было бы очень неразумно сделаться моим врагом только потому, что я тебе об этом говорю.

— Я не желаю быть ни лучше, ни хуже того, каким я создан. Особой красоты во мне, быть может, и нет. По крайней мере, той красоты, о которой мечтают легкомысленные и тщеславные люди. Но надеюсь, что и я не совсем лишен привлекательности благодаря моему доброму поведению. Мало найдется мужчин более видных, чем ты, Непоседа, и я понимаю, что вряд ли кто-нибудь обратит на меня внимание там, где можно поглазеть на тебя. Но я не знаю, следует ли считать, что охотник не так ловко обращается с ружьем или добывает меньше дичи только потому, что он не останавливается у каждого родника на своем пути, чтобы полюбоваться на собственную физиономию в воде.

Непоседа громко расхохотался. Слишком беззаботный, чтобы предаваться размышлениям о своем явном физическом превосходстве над Зверобоем, Непоседа все же отлично сознавал это, и, когда такая мысль невзначай приходила ему в голову, она доставляла ему удовольствие.

— Нет, нет, Зверобой, ты не красавец и сам можешь в этом убедиться, если поглядишь за борт пироги! — воскликнул он. — Джуди скажет тебе прямо в лицо, только задень ее. Такого бойкого языка не отыскать ни у одной де-

¹ Томагавк — боевой топор, оружие индейцев.

вушки в наших поселениях и даже за их пределами. Поэтому мой тебе совет: никогда не дразни Джудит! А Хетти можешь говорить что угодно, и она все выслушает кротко, как овечка. Нет уж, пусть лучше Джуди не высказывает тебе своего мнения о твоей наружности.

— Вряд ли, Непоседа, она может что-нибудь прибавить к твоим словам.

— Надеюсь, Зверобой, ты не обиделся на мое замечание: ведь я ничего дурного не имел в виду. Ты и сам знаешь, что не блещешь красотой. Почему бы приятелям не поболтать друг с другом о таких пустяках? Будь ты красавцем, я бы первый сказал тебе об этом к полному твоему удовольствию. А если бы Джуди сказала мне, что я безобразен как смертный грех, я бы счел это за кокетство и не подумал бы поверить ей.

— Баловням природы легко шутить над такими вещами, Непоседа, хотя, быть может, для других это тяжело. Не отрицаю, мне иногда хочется быть покрасивей. Да, хочется, но я всегда успеваю подавить в себе это желание, подумав, как много есть людей с красивой внешностью, которым, однако, больше нечем похвастать. Не скрою, Непоседа, мне часто хотелось иметь более приятную внешность и походить на таких, как ты. Но я отгонял от себя эту мысль, вспоминая, насколько я счастливее многих. Ведь я мог бы уродиться хромым — и неспособным охотиться даже на белок; или слепым — и был бы в тягость себе самому и моим друзьям; или же глухим, то есть непригодным для войны и разведок, что я считаю обязанностью мужчины в тревожные времена. Да, да, признаюсь, не совсем приятно видеть, что другие красивее тебя, что их приветливее встречают и больше ценят. Но все это можно стерпеть, если человек смотрит своей беде прямо в глаза и знает, на что он способен и в чем его обязанности.

Непоседа, в общем, был добродушным малым, и смиренные слова товарища привели его совсем в другое настроение. Он пожалел о своих неосторожных намеках на внешность Зверобой и поспешил объявить об этом с той неуклюжестью, которая отличает все повадки пограничных жителей.

— Я ничего дурного не хотел сказать, Зверобой, — молвил он просительным тоном, — и надеюсь, что ты забудешь мои слова. Если ты и не совсем красив, то все же у тебя такой вид, который говорит яснее ясного, что душа у тебя хорошая. Не скажу, что Джуди будет от тебя в восторге, так как это может вызвать в тебе надежды, которые кончатся разочарованием. Но ведь еще есть Хетти, она с удовольствием будет смотреть на тебя, как на всякого другого мужчину. Ты вдобавок такой степенный, положительный, что вряд ли станешь заботиться о мнении Джудит. Хотя она очень хорошенькая девушка, но так непостоянна, что мужчине нечего радоваться, если она случайно ему улыбнется. Я иногда думаю, что плутовка больше всего на свете любит себя.

— Если это так, Непоседа, то боюсь, что она ничем не отличается от королев, восседающих на тронах, и знатных дам из больших городов, — ответил Зверобой, с улыбкой оборачиваясь к товарищу, причем всякие следы неудовольствия исчезли с его честной, открытой физиономии. — Я даже не знаю ни одной делаварки, о которой ты не мог бы сказать то же самое... Но вот конец той длинной косы, о которой ты рассказывал, и Крысиная заводь должна быть недалеко.

Эта коса не уходила в глубь озера, а тянулась параллельно берегу, образуя глубокую уединенную заводь. Непоседа был уверен, что найдет здесь ковчег, который, стоя на якоре за деревьями, покрывавшими узкую косу, мог бы остаться незаметным для враждебного глаза в течение целого лета. В самом деле, место это было укрыто очень надежно. Судно, причаленное позади косы в глубине заводи, можно было бы увидеть только с одной стороны, а именно с берега, густо поросшего лесом, куда чужаки вряд ли могли забраться.

— Мы скоро увидим ковчег, — сказал Непоседа, в то время как пирога скользила вокруг дальней оконечности косы, где вода была так глубока, что казалась совсем черной. — Старый Том любит забираться в тростники, и через пять минут мы очутимся в его гнезде, хотя сам он, быть может, бродит среди своих капканов.

Марч оказался плохим пророком. Пирога обогнула косу, и взорам обоих путников открылась вся заводь. Однако они ничего не заметили. Безмятежная водная гладь изгибалась изящной волнистой линией; над ней тихо склонялись тростники и, как обычно, свисали деревья. Над всем господствовало умиротворяющее и величественное спокойствие пустыни. Любой поэт или художник пришел бы в восторг от этого пейзажа, только не Гарри Непоседа, который сгорал от нетерпения поскорее встретить свою легкомысленную красавицу.

Пирога двигалась по зеркальной воде бесшумно: пограничные жители привыкли соблюдать осторожность в каждом своем движении. Суденышко, казалось, плыло в воздухе. В этот миг на узкой полосе земли, которая отделяла бухту от озера, хрустнула сухая ветка.

Оба искателя приключений встрепетнулись. Каждый потянулся к своему ружью, которое всегда лежало под рукой.

— Для какой-нибудь зверушки это слишком тяжелый шаг, — прошептал Непоседа, — больше похоже, что идет человек.

— Нет, нет! — возразил Зверобой. — Это слишком тяжело для животного, но слишком легко для человека. Опусть весло в воду и подгони пирогу к берегу. Я сойду на землю и отрежу этой твари путь отступления обратно по косе, будь то минг или выхухоль.

Непоседа повиновался, и Зверобой вскоре высадился на берег. Бесшумно ступая в своих мокасинах, он пробирался по зарослям. Минуту спустя он уже был на самой середине узкой косы и не спеша приближался к ее оконечности; в такой чаще приходилось соблюдать величайшую осторожность. Когда Зверобой забрался в самую глубь зарослей, сухие ветви затрещали снова, и этот звук стал повторяться через короткие промежутки, как будто какое-то живое существо медленно шло вдоль по косе. Услышав треск ветвей, Непоседа отвел пирогу на середину бухты и схватил карабин, ожидая, что будет дальше. Последовала минута тревожного ожидания, а затем из чащи вышел благородный олень, величественной поступью приблизился к песчаному мысу и стал пить воду.

Непоседа колебался не больше секунды. Затем быстро поднял карабин к плечу, прицелился и выстрелил. Эффект, произведенный внезапным нарушением торжественной тишины в таком месте, придал всей этой сцене необычайную выразительность. Выстрел прозвучал, как всегда, коротко и отрывисто. Затем на несколько мгновений наступила тишина, пока звук, летевший по воздуху над водой, не достиг утесов на противоположном берегу. Здесь колебания воздушных волн умножились и прокатились от одной впадины к другой на целые мили вдоль холмов, как бы пробуждая спящие в лесах громы.

Олень только мотнул головой при звуке выстрела и свисте пули — он до сих пор еще никогда не встречался с человеком. Но эхо холмов пробудило в нем недоверчивость. Поджав ноги к телу, он прыгнул вперед, тотчас же погрузился в воду и поплыл к дальнему концу озера. Непоседа вскрикнул и пустился в погоню; в течение двух или трех минут вода пенилась вокруг преследователя и его жертвы. Непоседа уже поравнялся с оконечностью косы, когда Зверобой показался на песке и знаком предложил товарищу вернуться.

— Очень неосторожно с твоей стороны было спустить курок, не осмотрев берега и не убедившись, что там не прячется враг, — сказал Зверобой, когда его товарищ медленно и неохотно повиновался. — Этому я научился от делаваров, слушая их наставления и предания, хотя сам еще никогда не бывал на тро-

пе войны. Да теперь и неподходящее время года, чтобы убивать оленей, и мы не нуждаемся в пище. Знаю, меня называют Зверобоем, и, быть может, я заслужил эту кличку, так как понимаю звериный нрав и целюсь метко. Но, пока мне не понадобится мясо или шкура, я зря не убью животное. Я могу убивать, это верно, но я не мясник.

— Как мог я промазать в этого оленя! — воскликнул Непоседа, срывая с себя шапку и запуская пальцы в свои красивые взерошенные волосы, как будто желая успокоить свои мысли. — С тех пор как мне стукнуло пятнадцать лет, я ни разу не был так неповоротлив.

— Не горюй! Гибель животного не только не принесла бы никакой пользы, но могла бы и повредить нам. Эхо пугает меня больше, чем твой промах, Непоседа. Оно звучит как голос природы, упрекая нас за бесцельный и необдуманный поступок.

— Ты много раз услышишь этот голос, если подольше поживешь в здешних местах, парень, — смеясь, возразил Непоседа. — Эхо повторяет почти все, что говорится и делается на Мерцающем Зеркале при такой тихой летней погоде. Упадет весло, и стук от его падения ты слышишь вновь и вновь, как будто холмы издеваются над твоей неловкостью. Твой смех или свист доносятся со стороны сосен, словно они весело беседуют, так что ты и впрямь можешь подумывать, будто они захотели поболтать с тобой.

— Тем больше у нас причин быть осторожными и молчаливыми. Не думаю, что враги уже отыскали дорогу к этим холмам, вряд ли они могут от этого что-нибудь выиграть. Но делавары всегда говорили мне, что если мужество — первая добродетель воина, то его вторая добродетель — осторожность. Твой крик в горах может открыть целому племени тайну нашего пребывания здесь.

— Зато он заставит старого Тома поставить горшок на огонь и даст ему знать, что гость близко. Иди сюда, парень, садись в пирогу, и постараемся найти ковчег, куда еще светло.

Зверобой повиновался, и пирога поплыла в юго-западную сторону. До берега было не больше мили, а она плыла очень быстро, подгоняемая искусными и легкими ударами весел. Спутники уже проплыли половину пути, когда слабый шум заставил их оглянуться назад: на их глазах олень вынырнул из воды и пошел вброд к суше. Минуту спустя благородное животное отряхнуло воду со своих боков, поглядело вверх на древесные заросли и, выскочив на берег, исчезло в лесу.

— Это создание уходит с чувством благодарности в сердце, — сказал Зверобой, — природа подсказывает ему, что оно избежало большой опасности. Тебе тоже следовало бы разделить это чувство, Непоседа, признавшись, что глаз и рука изменили тебе; твой безрассудный выстрел не принес бы нам никакой пользы.

— Глаз и рука мне вовсе не изменили! — с досадой крикнул Марч. — Ты добился кое-какой славы среди делаваров своим проворством и умением метко стрелять в зверей. Но хотелось бы мне поглядеть, как ты будешь стоять за одной из этих сосен, а размалеванный минг — за другой, оба со взведенными курками, подстерегая удобный момент для выстрела. Только при таких обстоятельствах, Натаниэль, можно испытать глаз и руку, потому что ты испытываешь свои нервы. Убийство животного я никогда не считал подвигом. Но убийство дикаря — подвиг. Скоро настанет время, когда тебе придется испытать свою руку, потому что дело опять дошло до драки. Вот тогда мы и узнаем, чего стоит на поле сражения охотничья слава. Я не считаю, что глаз и рука изменили мне. Во всем виноват олень: он остался на месте, а ему следовало идти вперед, и поэтому моя пуля пролетела перед ним.

— Будь по-твоему, Непоседа. Я только утверждаю, что это наше счастье. Смееу сказать, что я не могу выстрелить в ближнего с таким же легким сердцем, как в зверя.

— Кто говорит о ближних или хотя бы просто о людях! Ведь тебе придется иметь дело с индейцами. Конечно, у всякого человека могут быть свои суждения, когда речь идет о жизни и смерти другого существа, но такая щепетильность неуместна по отношению к индейцу; весь вопрос в том, он ли сдерет с тебя шкуру или ты с него.

— Я считаю краснокожих такими же людьми, как мы с тобой, Непоседа. У них свои природные наклонности и своя религия, но в конце концов не в этом дело, и каждого надо судить по его поступкам, а не по цвету его кожи.

— Все это чепуха, которую никто не станет слушать в этих краях, где еще не успели поселиться моравские братья. Человека делает человеком кожа. Это бесспорно. А то как бы люди могли судить друг о друге? Все живое облечено в кожу для того, чтобы, поглядев внимательно, можно было бы сразу понять, с кем имеешь дело: со зверем или с человеком. По шкуре ты всегда отличишь медведя от кабана и серую белку от черной.

— Правда, Непоседа, — сказал товарищ, оглядываясь и улыбаясь, — и, однако, обе они — белки.

— Этого никто не отрицает. Но ты же не скажешь, что и краснокожий и белый — индейцы.

— Нет, но я скажу, что они люди. Люди отличаются друг от друга цветом кожи, у них разные нравы и обычаи, но в общем природа у всех одинакова. У каждого человека есть душа.

Непоседа принадлежал к числу тех «теоретиков», которые считают все человеческие расы гораздо ниже белой. Его понятия на этот счет были не слишком ясны и определения не слишком точны. Тем не менее он высказывал свои взгляды очень решительно и страстно. Совесть обвиняла его во множестве беззаконных поступков по отношению к индейцам, и он изобрел чрезвычайно легкий способ успокаивать ее, мысленно лишив всю семью краснокожих человеческих прав. Больше всего его бесило, когда кто-нибудь подвергал сомнению правильность этого взгляда и приводил к тому же вполне разумные доводы. Поэтому он слушал замечания товарища, не думая даже обуздать свои чувства и способы их выражения.

— Ты просто мальчишка, Зверобой, мальчишка, сбитый с толку и одуроченный хитростью делаваров и миссионеров! — воскликнул он, не стесняясь, как обычно, в выборе слов, что случалось с ним всегда, когда он был возбужден. — Ты можешь считать себя братом краснокожих, но я считаю их просто животными, в которых нет ничего человеческого, кроме хитрости. Хитрость у них есть, это я признаю. Но есть она и у лисы и даже у медведя. Я старше тебя и дольше жил в лесах, и мне нечего объяснять, что такое индеец. Если хочешь, чтобы тебя считали дикарем, ты только скажи. Я сообщу об этом Джудит и старику, и тогда посмотрим, как они тебя примут.

Тут живое воображение Непоседы оказало ему некоторую услугу и охладило его гневный пыл. Вообразив, как его земноводный приятель встретит гостя, представленного ему таким образом, Непоседа весело рассмеялся.

Зверобой слишком хорошо знал, что всякие попытки убедить такого человека в чем-либо, что противоречит его предрассудкам, будут бесполезны, и поэтому не испытывал никакого желания взяться за подобную задачу. Когда пирога приблизилась к юго-восточному берегу озера, мысли Непоседы приняли новый оборот, о чем Зверобой нисколько не пожалел.

Теперь уже было недалеко до того места, где, по словам Марча, из озера вытекала река. Оба спутника смотрели по сторонам с вниманием, которое еще больше обострялось надеждой отыскать ковчег.

Читателю может показаться странным, что люди, находившиеся всего в двухстах ярдах от того места, где между берегами высотой в двадцать футов проходило довольно широкое русло, могли его не заметить. Не следует, однако, забывать, что здесь повсюду над водой свисали деревья и кустарники, окружая озеро бахромой, которая скрывала все его мелкие извилины.

— Уже два года я не зааживал в этот конец озера, — сказал Непоседа, поднимаясь в пироге во весь рост, чтобы удобнее было видеть. — Ага, вот и утес задирает свой подбородок над водой, река начинается где-то здесь по соседству.

Мужчины снова взялись за весла. Они находились уже в нескольких ярдах от утеса. Он был невелик, не более пяти или шести футов в высоту, причем только половина его поднималась над озером. Непрестанное действие воды в течение веков так сгладило его вершину, что утес своей необычайно правильной и ровной формой напоминал большой пчелиный улей. Пирога медленно проплыла мимо, и Непоседа сказал, что индейцы хорошо знают этот утес и обычно назначают поблизости от него место встреч, когда им приходится расходиться в разные стороны во время охоты или войны.

— А вот и река, Зверобой, — продолжал он, — хотя она так скрыта деревьями и кустами, что это место больше похоже на потаенную засаду, чем на исток из такого озера, как Мерцающее Зеркало.

Непоседа недурно определил характер места, которое действительно напоминало засаду. Высокие берега поднимались не менее как на сто футов каждый. Но с западной стороны выдавался вперед небольшой клочок низменности, до половины суживая русло реки. Над водой свисали кусты; сосны, высотой с церковную колокольню, тянулись к свету, словно колонны, своими перепутанными ветвями, и глазу даже на близком расстоянии трудно было разыскать ложбину, по которой протекала река. С поросшего лесом крутого берега тоже нельзя было обнаружить никаких признаков истока.

Вся картина, открывавшаяся глазу, казалась одним сплошным лиственным ковром.

Пирога, подгоняемая течением, приблизилась к берегу и поплыла под древесным сводом. Солнечный свет с трудом пробивался сквозь редкие просветы, слабо озаря царившую внизу темноту.

— Самая настоящая засада, — прошептал Непоседа. — Поэтому старый Том и спрятался где-то здесь со своим ковчегом. Мы немного спустимся вниз по течению и, наверное, отыщем его.

— Но здесь негде укрыться такому большому судну, — возразил Зверобой. — Мне кажется, что здесь с трудом пройдет и пирога.

Непоседа рассмеялся в ответ на эти слова, и, как вскоре выяснилось, с полным основанием. Едва только спутники миновали бахрому из кустарников, окаймлявшую берега, как очутились в узкой, но глубокой протоке. Прозрачные воды стремительно неслись под лиственным навесом, который поддерживали своды, образованные стволами древних деревьев. Поросшие кустами берега оставили свободный проход футов двадцати в ширину, а впереди открывалась далекая перспектива.

Наши искатели приключений пользовались теперь веслами лишь для того, чтобы удержать легкое суденышко на середине реки. Пристально разглядывали они каждую извилину берега, но поворот следовал за поворотом, и пирога плыла все дальше и дальше вниз по течению. Вдруг Непоседа, не говоря ни

слова, ухватился за куст, и лодка замерла на месте. Очевидно, повод для того был достаточно серьезный.

Зверобой невольно положил руку на приклад карабина. Он не испугался — просто сказалась охотничья привычка.

— А вот и старый приятель, — прошептал Непоседа, указывая куда-то пальцем и смеясь от всего сердца, хотя совершенно беззвучно. — Так я и думал: он бродит по колени в тине, осматривая свои капканы. Но, убей меня бог, я нигде не вижу ковчега, хотя готов поставить в заклад каждую шкуру, которую добуду этим летом, что Джудит не решится ступить своими хорошенькими маленькими ножками по такой черной грязи! Вероятно, девчонка расчесывает волосы на берегу какого-нибудь родника, где может любоваться своей красотой и набираться презрения к нашему брату, мужчине.

— Ты несправедливо судишь о молодых женщинах. Да, Непоседа, ты преувеличиваешь их недостатки и их совершенства. Смеею предположить, что Джудит, вероятно, не так уж восхищается собой и не так уж презирает нас, как ты, видимо, думаешь. Она, очевидно, работает для своего отца в доме, в то время как он работает для нее у капканов.

— Как приятно услышать правду из уст мужчины, хотя бы раз в девичьей жизни! — произнес низкий и мягкий женский голос так близко от пироги, что оба путника невольно вздрогнули. — А что до вас, мастер Непоседа, то каждое доброе слово вам дается так трудно, что я давно уже не надеюсь услышать его

из ваших уст. Последнее такое слово однажды застряло у вас в горле так, что вы едва им не подавились. Но я рада, что вижу вас в лучшем обществе, чем прежде, и что люди, которые умеют уважать женщин и обращаться с ними, не стыдятся путешествовать вместе с вами.

После этой тирады в просвет между листьями выглянуло необычайно хорошенькое юное женское личико, да так близко, что Зверобой мог бы дотянуться до него веслом. Девушка милостиво улыбнулась молодому человеку, а сердитый взгляд, впрочем притворный и насмешливый, который она бросила на Непоседу, придал ее красоте еще большую прелесть, показывая все разнообразие игры ее переменчивой и капризной физиономии.

Только взглядевшись пристальнее, путники поняли, почему девушка смогла появиться так внезапно. Незаметно для себя они очутились борг¹ о борт с ковчегом, который был скрыт кустами, нарочно срезанными для этой цели и так искусно расположенными, что Джудит Хаттер нужно было только расдвинуть листья, заслонявшие оконце, чтобы выглянуть наружу и заговорить.

ГЛАВА IV

Боязливую лань не страшит испуг,
Если в хижину я вхожу,
И майской фиалке я лучший друг,
И тихий ручей лепечет вокруг,
Когда ее сон сторожу.

Брайент¹

Ковчег, как все называли плавающий дом Хаттеров, был устроен очень просто. Нижней частью ему служила широкая плоскодонная баржа. Посредине, занимая всю ширину и около двух третей длины судна, стояла невысокая надстройка, напоминая внешним видом замок, но сколоченная из более тонких досок, которые, однако, могли служить защитой от пуль. Борты баржи были немного выше обычных, а каюта — такой высоты, чтобы в ней можно было только-только стоять выпрямившись. Все это странное сооружение выглядело не слишком неуклюже. Короче говоря, ковчег немногим отличался от современных плоскодонных барок, плавающих по каналам, хотя был гораздо шире и построен грубее, а покрытые корой бревенчатые стены и кровля свидетельствовали о полудиком образе жизни его обитателей. И, однако, немало искусства понадобилось, чтобы соорудить это судно, довольно легкое и достаточно поворотливое при его вместимости. Каюта была перегорожена пополам. Одна половина служила столовой и спальней для отца, в другой жили дочери. Незатейливая кухонная утварь размещалась на корме прямо под открытым небом; не надо забывать, что ковчег был только летним жилищем.

Вполне понятно, почему Непоседа назвал это место «засадой». Почти везде с крутых берегов свисали над рекой кусты и низкорослые деревья, купавшие свои ветви в глубоких омутах. В одном таком месте Хаттер и поставил на якорь свой ковчег. Это ему удалось без особого труда. Когда судно очутилось под прикрытием деревьев и кустов, достаточно было привязать несколько камней к концам ветвей, чтобы заставить их погрузиться глубоко в реку. Несколько срезынных и умело расположенных кустов довершили остальное. Как уже видел читатель, маскировка была сделана настолько ловко, что ввела в обман даже

¹ Перевод Л. Рубинштейна.

двух наблюдателей, привыкших к жизни в девственных лесах Америки и как раз в это время искавших спрятанное судно.

То, что ковчег был найден, произвело неодинаковое впечатление на наших путников. Лишь только пирога причалила к просвету между ветвями, служившему входом, как Непоседа перескочил через борт и минуту спустя весело, но несколько язвительно беседовал с Джудит, видимо позабыв обо всем на свете. Совсем иначе вел себя Зверобой. Он медленно и осторожно вошел в ковчег и внимательно, с любопытством рассматривал его устройство. Правда, в его взгляде, брошенном на Джудит, мелькнуло восхищение ее ослепительной и своеобразной красотой, но даже красота девушки ни на секунду не ослабила его интереса к жилищу Хаттеров. Шаг за шагом обследовал он это оригинальное сооружение, ощупывая скрепы и соединения, знакомясь со средствами обороны и вообще не пропустив ни одной мелочи, которая имеет значение для человека, постоянно имеющего дело с подобными предметами. Не оставил он без внимания и маскировку. Он изучил ее во всех подробностях и время от времени что-то бормотал себе под нос. Так как пограничные обычаи очень просты и допускают большую свободу, он осмотрел каюты и, открыв дверь, прошел на другой конец баржи. Здесь он застал вторую сестру, сидевшую под лиственным навесом и занятую каким-то незамысловатым рукоделием.

Зверобой опустил на пол свой карабин и, опершись обеими руками на дуло, стал смотреть на девушку с таким интересом, какого не могла пробудить в нем даже необычайная красота ее сестры. Он заключил из слов Непоседы, что у Хетти разума меньше, чем обычно приходится на долю человека, а воспитание среди индейцев научило его особенно мягко обращаться с теми, кто обижен судьбой. К тому же внешность Хетти Хаттер не могла бы оттолкнуть того, в ком ее положение вызвало участие. Ее отнюдь нельзя было назвать слабоумной в полном смысле этого слова. Она лишь потеряла присущие большинству нормальных людей хитрость и способность к притворству, но зато сохранила простодушие и любовь к правде. Те немногие наблюдатели, которые имели случай видеть эту девушку, часто замечали, что ее понятия о справедливости были почти инстинктивны, а отвращение ко всему дурному составляло отличительную черту ее характера, как бы окружая ее атмосферой чистой нравственности. Особенность эта нередко встречается у людей, которые слывят умалишенными.

Наружность у Хетти была привлекательная; она казалась смягченной и более скромной копией своей сестры. Внешнего блеска, свойственного Джудит, у нее не было, однако спокойное, тихое выражение ее кроткого лица подкупало каждого, кто ее видел; и лишь очень немногие, поглядев на эту девушку, не прониклись к ней глубоким сочувствием. Лицо Хетти было лишено живых красок; невинное воображение не порождало у нее в мозгу мыслей, от которых могли бы зарумяниться ее щеки; добродетель была настолько свойственна ей, что, казалось, превратила кроткую девушку в существо, стоящее выше обыкновенных людских слабостей. Природа и образ жизни сделали Хетти наивным, бесхитростным созданием, а PROVIDENCE защитило ее от порока.

— Вы Хетти Хаттер? — сказал Зверобой, как бы безотчетно обращаясь с этим вопросом к самому себе, и таким ласковым тоном, что, несомненно, должен был завоевать доверие девушки. — Гарри Непоседа рассказывал мне о вас, и я знаю, что вы совсем дитя.

— Да, я Хетти Хаттер, — ответила девушка низким приятным голосом. — Я — Хетти, сестра Джудит Хаттер и младшая дочь Томаса Хаттера.

— В таком случае, я знаю вашу историю. Гарри Непоседа много говорил мне о вас. Вы большей частью живете на озере, Хетти?

— Да. Мать моя умерла, отец ставит капканы, а мы с Джудит сидим дома. А как вас зовут?

— Легче задать этот вопрос, чем ответить на него. Я еще молод, но у меня уже было больше имен, чем у некоторых величайших вождей в Америке.

— Но ведь вы не отказываетесь от своего имени, прежде чем не заслужите честно другое?

— Надеюсь, что нет, девушка. Мои прозвища приходят ко мне сами собой, и я думаю, что то, которым окрестили меня нынче, удержится недолго, — ведь делавары редко дают человеку постоянную кличку, прежде чем представится случай показать себя в совете или на тропе войны. Мой черед еще не настал. Во-первых, я не родился краснокожим и не имею права участвовать в их советах и в то же время слишком ничтожен, чтобы моего мнения спрашивали знатные люди моего цвета кожи. Во-вторых, война еще только началась — первая за всю мою жизнь, и еще ни один враг не проник настолько далеко в Колонию, чтобы его могла достать рука даже подлиннее моей.

— Назовите мне ваши имена, — подхватила Хетти, простодушно глядя на него, — и, быть может, я скажу вам, что вы за человек.

— Не отрицаю, это возможно, хотя и не всегда удается. Люди часто заблуждаются, когда судят о своих ближних, и дают им имена, которых те ничуть не заслуживают. Вы можете убедиться в этом, если вспомните имена мингов, которые на их языке означают то же самое, что делаварские имена, — по крайней мере, так мне говорили, потому что сам я мало знаю об этом племени, — но, судя по слухам, никто не может назвать мингов честными, справедливыми людьми. Поэтому я не придаю большого значения именам.

— Скажите мне все ваши имена, — серьезно повторила девушка, ибо ум ее был слишком прост, чтобы отделять вещи от их названий, и именам она придавала большое значение. — Я хочу знать, что следует о вас думать.

— Ладно, не спорю. Вы узнаете все мои имена. Прежде всего я христианин и прирожденный белый, подобно вам, и родители дали мне имя, которое переходит от отца к сыну как часть наследства. Отца моего звали Бампо, и меня, разумеется, назвали так, а при крещении дали имя Натаниэль, или Натти, как чаще всего и называют меня...

— Да, да, Натти и Хетти! — быстро прервала его девушка и, снова улыбувшись, подняла глаза над рукоделием. — Вы Натти, а я Хетти, хотя вы Бампо, а я Хаттер. Бампо звучит не так красиво, как Хаттер, не правда ли?

— Ну это дело вкуса. Я согласен, что Бампо звучит не очень громко, и все же многие люди прожили свою жизнь с этим именем. Я, однако, носил его не очень долго: делавары скоро заметили, или, быть может, им только показалось, что я не умею лгать, и они прозвали меня для начала Правдивый Язык...

— Это хорошее имя, — прервала его Хетти задумчиво и с глубокой убежденностью. — А вы мне говорите, что имена ничего не значат!

— Этого я не говорю, потому что, пожалуй, заслужил это прозвище, и лгать мне труднее, чем другим. Немного спустя делавары увидели, что я скор на ноги, и прозвали меня Голубем; ведь вы знаете, у голубя быстрые крылья и летает он всегда по прямой линии.

— Какое красивое имя! — воскликнула Хетти. — Голуби — милые птички.

— Большинство существ, созданных Богом, хороши по-своему, добрая девушка, хотя люди часто уродуют их и заставляют изменять свою природу и внешность. После того как я некоторое время служил гонцом, меня начали брать на охоту, решив, что я проворнее нахожу дичь, чем большинство моих сверстников. Тогда прозвали меня Вислоухим, потому что, как они говорили, у меня собачье чутье.

СОДЕРЖАНИЕ

ЗВЕРОБОЙ, или Первая тропа войны. <i>Перевод Т. Грица</i>	7
ПОСЛЕДНИЙ ИЗ МОГИКАН, или Повествование о 1757 годе. <i>Перевод Е. Чистяковой-Вэр и А. Репиной</i>	299
СЛЕДОПЫТ, или На берегах Онтарио. <i>Перевод Р. Гальпериной, Д. Каравкиной, В. Курелла</i>	507
ПИОНЕРЫ, или У истоков Саскуиханны. <i>Перевод И. Гуровой и Н. Дехтеревой</i>	791
ПРЕРИЯ. <i>Перевод Н. Вольпин</i>	1063